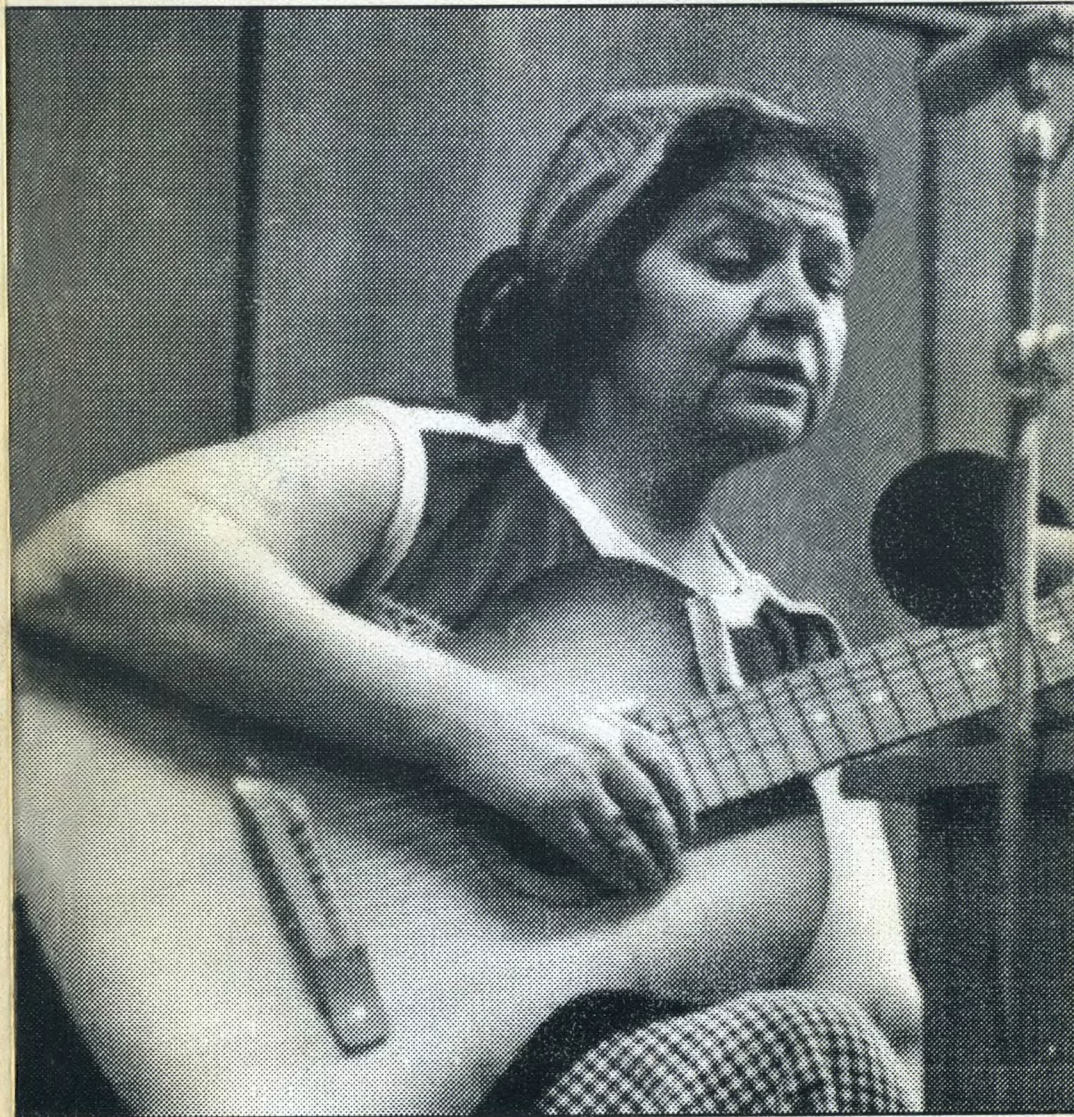

Новелла
МАТВЕЕВА

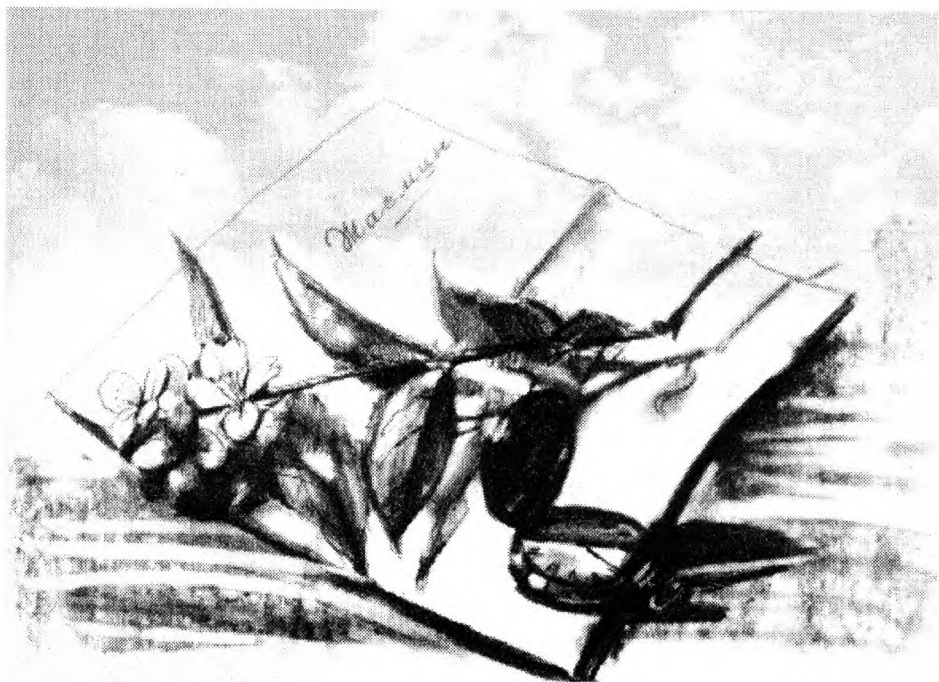

ЖАСМИН

Новелла МАТВЕЕВА

ЖАСМИН

Новела Матвеева

Книга вторая

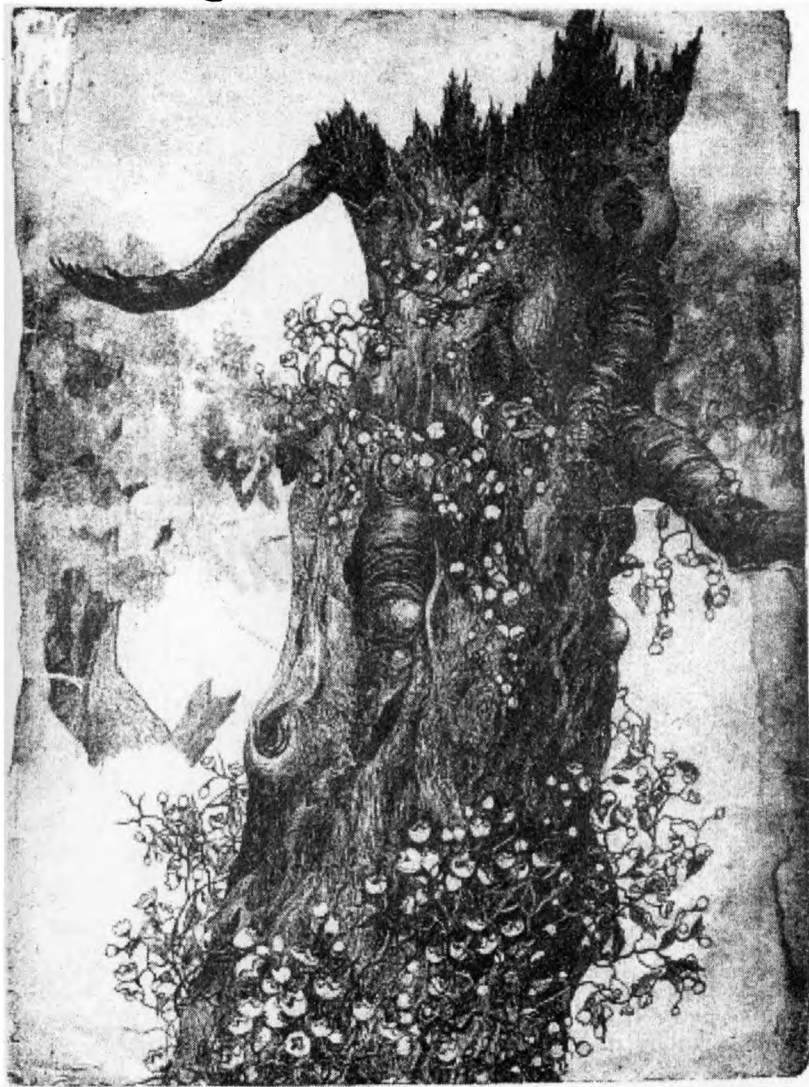
ЖАСМИН

Москва
2001

© Н.Матвеева, стихи, рисунки, 2001
© А.Подивилов, форзацы, 2001
© С.Зайцев, оформление, 2001
© Книжный магазин «Москва», 2001

Дума
быку бы
с мореходов
всем, а в
хем жонс
(в еснб)
супорев.
А в ак
ме, конер-
но, 2 ре.

М. М.
Май, 13. е.
- 2002.

I

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ЖАСМИНУ**

***

Назвать ли вам троих, — особенно бесславных?
Судья несправедный, бич и гроза бесправных,
Поэт, который нас минимализму учит,
И врач, — с больным своим связавшийся на равных.

1970-е

СУДЬЯ

Какое счастье — быть судьёй!
Вот ты — судья,
И это значит — быть СУДЬБОЙ
Судьба твоя.

Но что — судьба? Судьба слепа.
Судья — глазасть.
И где в обиду даст судьба,
Судья — не даст.

Поддержки от природы ждёшь,
А видишь срыв;
Неправедны ветра, и дождь
Несправедлив;

И за невинность и за грех,
Не разобрав, —
Кто виноват, а кто и прав, —
Отхлещет — всех.

А ты не буря, не метель,
Не суховей:
Не рассылай же зря смертей,
Не хмурь бровей!

А ты не рок, ты не судьба,
А ты — с у д ь я !
И что дозволено судьбе,
Тебе — нельзя.

СОЛНЕЧНЫЙ ПАРОМ

I

Не будь зимы — откуда бы взялось
Блещающее таянье в апреле?
Не будь весны — откуда бы капли
С весёлых крыш так много пролилось?

Не будь Ясона — как бы добралось
Руно до места? Как возможны щели,
Где нет и кровли? Как, на самом деле,
Небывшее — да вдруг перевелось?

И если нам от века чужды свойства
Сознания, — как разум или честь,
Откуда в нас такое беспокойство
И рвенье в подсознание пролезть?

Гляди, какое странное устройство:
Сознания нет, а подсознание — есть!

1960-е

II

Давным-давно к пещерам подсознания
Подплыл Сознания солнечный паром.
И сразу стало так: на первом плане
Сознание. Подсознание — на втором.

Клясть подсознание, то есть, поздновато.
Клеймить пещерность бедную — смешно.
Во всех грехах СОЗНАНИЕ виновато
С тех пор, как правит именно оно!

И если в воздух поднят Нагасаки
И цвет надежды в ком-нибудь зачах,
То это совершилось не во мраке,
А в Разума эразмовых лучах!

Не Разума? Так значит хоть... рассудка?
Но усмехнулись тут Лемуры жутко.

1970-е

III

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Ключи от подземелий подсознания
Звенят опять на поясе моём.
Сегодня я, заблудшее создание,
Сойду туда с коптящим фонарём.

Как воют своды в страшной анфиладе!
А впрочем, выясняется в конце,
Что все подвалы наши — на эстраде.
Все тайны, как посмотришь, — на лице.

У нас и подсознание — снаружи.
Всё просто: нам получше — вам похуже,
Кот хочет сала, палки просит пёс.
Успех собрата мучит нас до слёз.

Но чтоб до истин этих доискаться,
Не стоит в преисподнюю спускаться!

1970

ОПОЗДАНИЕ К ЖАСМИНУ

Тонкое дерево с лёгкой корой,
Дерево юных!
Еду к жасминам... Но летней порой
Не узнаю их;

Не застаю их цветения: цвет
Ярко-душистый
Был — да осыпался...
Выступил вслед
Ствол шелушистый...

В городе — столько досужих трудов,
Столько оттяжек!
...Вот только п о ч к и от прежних
цветов —
Блюдца от чашек!

Муза! Мы, кажется, лишь опоздать
Не опоздали!
Вот и сирени — за прядию прядь
Поотцветали...

Да! Мы воистину — лишь опоздать
Не опоздали;
Вот уж за нас и жасмин воспевать
Многие стали...

Думалось: выходцы летней грозы,
Вызревшей в мае!
А повторяют за нами азы,
Как попугаи!

Всё-то взаимы у них: кашель и чих,
Мелос и логос.
Господи! Сами растений своих
Выбрать не могут-с!

Но какова успеваемость! — Хвать —
И наверстали...
Мы же — как в юности: лишь опоздать
Не опоздали.

Там, где других напрямую несёт —
Конь ли, мотор ли, —
Мы дотащились до места в обход,
Ноги натёрли!

Глаз не засыпав песком золотым,
Зрячие вроде, —
Мы не успели к напевам простым,
К мирной свободе.

Муза! Не стыд ли и мне и тебе?
Мы не успели
К юности. К зрелости. К лучшей судьбе.
К зоркости. К цели.

Я в нашей поступи нас узнаю:
Трудно дойти нам
Даже и просто туда,
Где и юнь
С белым жасмином.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ

Телом слабый, но сиянием — сильный,
Точно дух, пузырь явился мыльный
Изнутри соломинки сквозной.

Пусть живёт!
Он пить и есть не просит.
(Хоть и сам дохода не приносит
Даже там, где жертвует собой.)

Все его бранят за то, что мало
Он живёт. (Ещё недоставало
Долго жить, где все тебя бранят!)

А дадут ли жить на свете долго?
Скажут: «Век чужой заел без толка...»
Эх! Не в том, так в этом обвинят.

Брань его покрыла толстым слоем,
Как броня. И если мы усвоим,
Сколько он за свой короткий взлёт

Успевает вынести нападок, —
Век его совсем не так уж краток:
Счастье кратко, — долгод век невзгод.

Слышал он проклятья кредиторов.
В счёт его росли счета в конторах,
Яхты в море, виллы на горах...

Что же сам он видел, кроме мыла?
Да и мыла в нём не больше было,
Чем бывает в мыльных пузырях.

Оттого, что пуст и легковесен,
В честь его никто не сложит песен.
(Ибо скальдов вещие уста

Только Весом бредят повсеместно.
И уж если вещь тяжеловесна,
Ей простится, что она — пуста.)

...На его чуть дышащую хрупкость
Сваливают собственную грубость.
«Он такой надутый!» — говорят...

Правда есть. Но логику — найду ли?
Ведь *не он* надул! — *его* надули!
А сорвать на нём же норовят.

С мыльными связавшись пузырями,
Не к чему глядеть на них зверями;
Ну какая вам от них беда?!

Пусть хоть раз, — хотя бы в миг полёта —
И они обрадуют кого-то;
А потом исчезнут без следа.

1960-е

УКРАДЕННАЯ ДОРОГА

*Но звук пробитой шины мне приятен.
Гилберт Кийт Честертон*

I

Берёзы клонятся во все концы,
Творя узор из серебра и черни,
И флоксов ослепительных чепцы
Всё слаще блещут в сумраке вечернем.

В канавах склянки, на дорогах сор,
Но от садов исходит дух порядка.
И ночи подозрительная складка
Скрывает не угрозу, но укор.

А ясьень рад листвою помавать:
Явилась — чудом! — и к нему защита,
Хотя воззвание «Свалке не бывать!»
К нему... гвоздями ржавыми прибито.

А люди мчат в машинах, взаперти, —
Слабо два шага им пешком пройти!

II

ПЕЙЗАЖ ПЕШЕХОДА

Не замечает пассажир
Ни гордых лавров, ни глициний;
В его окошке целый мир —
Лишь перепалка смутных линий.
У пешехода есть пейзаж.
У пассажира — нет пейзажа,
А только грохот, гарь да сажа, —
Хоть разрисуйся, хоть размажь!

А мы? А мы идём пешком;
Чужой пылищи нам не надо.
Не заставляй нас, шеф, силком
С тобой делить «восторги» ада!

Дорога — счастье ВСЕХ людей!
Но... ты ОДИН царишь на ней.

III

В один из дней Жорж Санд, пройдясь по зною
И с мыслями весёлыми простясь,
Дорогу назвала «Ничьей странюю»
Среди людьми присвоенных пространств.

Но, чтя дорогу, (лишь ЕЁ одну!)
Единственным народным достояньем, —
Единственным свободным расстояньем, —
«Ничьей страной» в длину и в ширину, —

Ошиблась!.. От заката до заката
«Ничья страна» отныне... тоже — ЧЬЯ-ТО!
А что ты взыщешь, пеший пилигрим,

С автомобилей, слопавших дорогу?
Уж нет пространств, принадлежащих Богу!
И путь пешком — почти невыполним...

Август 1999 — 9, 10 декабря 2000

ВАТТО

Слова
про муки ада
Нам жутко надоели!
И мы,
простирая руки,
Вскричали: «А где Ватто?»

Крадучись,
в белых туфлях,
Он выступил из сирени
И сад
и качели в сумерках
Для нас раскачал, как никто!

Он их раскачал — вместе с садом.
И остановил — вместе с садом.
(И видеть нам было странно
Ватто Антуана рядом!)
Затем отступил и замер
и ногу согнул в колене;
И, в плавную дырку палитры
левую руку продев,

Он поднял правую
с кистью,
Умытой в ручьёвой пене,
И ниже пригнулся, нечто
за листьями разглядев...

II
ПЕСЕНКА САВОЯРА

СЕРЕДИНА ЛЕТА

В траве
Жасмина лепестки,
Как белых чашек черепки,
Лежат и там и тут;
Видать, от мёда окосев
И осерчав на вся и всех,
Шмели посуду бьют!

1982

ПЕСЕНКА

— Шарманщик! Шарманщик!
Захожий савояр!
Скажи: зачем приходишь
На городской бульвар?

Скажи-ответь, шарманщик,
Чью песню ты поёшь?
Открой: какую сказку
За правду выдаёшь?

— Не спрашивайте, люди,
Чья песня у меня:
И сказка не чужая,
И песенка — своя.

Вы лучше поглядите,
Как пляшет мой сурок!
Он честно заработал
Свой хлеб и свой сырок.

Затем, что не хватало
Мне сказок с юных лет,
Я сам придумал сказку,
Которой лучше нет.

Когда же добрых песен
Мне стало не хватать,
Я сам придумал песню —
Судьбе моей под стать.

Ту песню нашептала
Мне Родина моя:
Альпийские долины,
Тирольские края...

Как я, — оттуда родом
И добрый мой сурок!
Он честно заработал
Свой хлеб и свой сырок.

1972

* * *

Творил Рембо, как гений с гордым лбом.
Но пробил час (дела и мысли лживы!),
И всё, что сохранилось от Рембо,
Прокляв стихи, ушло на путь наживы.

Захотало золото-металл
Над золотом его стихотворений.
Как старый скряга, золото считал
В палатке бедуина — юный гений...

И всё же — как различны две судьбы!
Считала деньги мать не хуже сына.
Но вряд ли ей понадобилась бы
Для этого... палатка бедуина!

Знать, был поэт из редких! Из таких,
Чьё бегство от стиха — такой же стих.

ТРИН, ПРИСПОСОБЛЕННЫЙ ДРУГИМИ ДЛЯ ЭКРАНА

*Александр Степанович ужаснулся, будучи
ознакомлен с экранизацией «Колонии Ланфиер».
Вон с каких пор это тянется!..*

Порхают пузыри... Летят шары цветные...
Сомлев от дружных грёз, их ловят люди-клёцки;
Ребята крепких лет, но вроде как шальные!
Разнеженные вдрызг, — но в тельниках, по-флотски.

Их боцман чтой-то сник, от грубо-некультурных
Чужих заносчивых речений занедужив...
Обшиты паруса каймой брюссельских кружев.
И лезут моряки по вантам — на котурнах...

И чьи-то буркалы, мечтательно-бараны,
Обосновались так прочно на экране,
И столько в них тоски, распутства, идиотства,

Что, «веком парусников» сытый до упора,
Боюсь, — от вида их спасётся зритель скоро
Позорным бегством — (в честь эпохи пароходства)!

ПЕСЕНКА ПРО КИТОВЫЙ УС

На каждом шагу оскорбляющийся,
Властителем мира являющийся,
А попросту молвить — валяющийся
На всех перекрёстках вкус,
Наверное, нас не похвалит,
Но это нас мало печалит.
Давайте-ка лучше

песню споём,

Споём про китовый ус!

Китовый ус — королеве!
А прочим — китовый жир,
Чтоб ворвань варить
И вслух говорить
Про наш океанский мир!

Но ворвань, слышал я, не варят
И с хлебом её не едят,
А в пламя светилен её,
Точно филин,
Из тьмы, не мигая, глядят.
И так мы упорно глядели,
И так мы лупились во мрак,
Что старую Англию мы проглядели —
Сами не знаем как...

Китовый ус — королеве —
И сто сундуков похвал.
А нам — бродить —
Серебром обводить
Зеленобурый вал.

Пока мы носились по бурным волнам,
Чтоб земли открыть, неизвестные нам, —

Родину предков утратили мы,
И не дали к родным берегам
Пристать нам дельцы-живодёры,
Банкиры, жуиры, обжоры,
А законодатели
Законопатили
Выход наш к лучшим дням.

Китовый ус — королеве,
А кит — из цветных пластмасс!
Кто вспомнит — когда
Живого кита
Глядели в последний раз?

Мы были народом — страной моряков,
Единым и славным во веки веков,
Но вихрь нас умчал от родных берегов...
Ты, Англия, — помнишь ли нас?

...Чу! — Стража ли где прокричала?
(Завыл ли в снастях ноябрь?) —
Чтоб нам не бросали причала,
Что призрачный — наш корабль,
Что нет в нас ни капли толка,
Что зрительный мы каприз,
Что все мы когда-то привиделись только
Глазам сухопутных крыс...

Катается с грохотом бочка, — смотри:
Как будто в ней кто-то хохочет внутри!
А ветер за пирсом качнул фонари
И снова, зевнув, замолчал
В глубинах безвестных подводных могил...
Ту песню мне вспомнить — быстрее помоги!
Тогда сторожа нам зажгут маяки
И нам Англия бросит причал!

Мы песни старые помним. Но, жаль, —
Не вспомним концов и начал...
И снова нас в море
на палубах чёрных
«Летучий голландец» умчал.

Китовый ус — королеве,
А ворвань жаркая — Деве
Для ста лампад золотых!
«Китовый ус — королеве...»
И в моря яростном чреве
Последний ропот затих...

1985-86

УХОДЯЩИЙ ВЕК

И падает Икар.
А по канатам всё идут
Над безднами партера
Маленькие Чарли.

Иван Киуру. «Партер»

Сумятица афиш...
И молчаливый Чаплин,
Спускающийся с крыш по лампам, как по каплям,
В Манчестер и Париж
Огнём рекламным вкраплен.
А там — разрывы туч и трубы заводские.
Вломившиеся в луч Америка, Россия...
И тысячи зонтов, как чудища морские,
Плывущие сквозь дождь... Медузы? Осьминоги?
Безвестны их пути. Неведомы дороги.
Мгла сплвила в одно лачуги и чертоги.
Где? Как такой большой поток распределится?
Где канет? Где потом воспрянет «единица»?
Где участи? Где лица?
Но так уютен ворс пальто демисезонных,
Как будто никогда с покатостей наклонных
Не скатывался век.
И в полых фальш-колоннах
Не скапливался снег.
А ночь была огнём и оловом зелёным,
Дождь сеяла сквозь сон на головы влюблённым,
И даже снег — другой, нездешний был суждён им.
Но, может статься, зря
Век радостным казался?
Раз не было таких, кого он не касался —
И всякому отмстил, кто бед не опасался
И не ушёл в ковчег.

В ковчеге хорошо и много мирной твари.
Но ворон полетел и затерялся в сваре,
Где Будущность даёт Минувшему «по харе»,
Но чаплинских бродяг
Опять не ждёт ночлег.

И вновь Король Бродяг их всех объединяет.
И злостно — вот уж век! — ботинок не меняет,
Пока не поняли — кого он обвиняет? —
Мы, ушлые! И чем так сердит, так пленяет?
Куда он клонит, этот человек?
Как свет угасших звёзд доходит до верблюда,
Одно до нас дошло (и то в порядке чуда!),
Что Чарли снова жив; ни голод, ни простуда
Бродягу не берут, ни блохи силой зуда...

Но как такая рвань могла возглавить... Моду?!
— Чарльз Чаплин, дай намёк возвышенному сброду:
Как в МОДАХ выразить дух века и свободу?
— Наденьте рубище — и выразите с ходу.

И, рубище надев (на фрак, я полагаю?),
Дурак в ушко иглы ползёт навстречу Раю...
Но чьи грехи ещё я тут перебираю?
Я тоже сею зло (хоть роли не играю).

Прости, Романтика!
Прощай, двадцатый век!

Август 1992

АГИТКА

Крокодил, — бревно с расщепом,
С парой плошек вместо глаз,
Мог бы выглядеть нелепым,
Если бы... не кушал нас!

Но, порой питаюсь нами
Или жря других людей,
Золотыми галунами,
Званьями да именами
Обзаводится злодей!

В сердце мира,
В центре плаца,
Лести в зеркале кривом
Начинает нам казаться
Тварь... — нездешним существом!

Феска ли на нём? Ермолка?
(Не корона ли уже?)
То ли девка он ведьмолка?
То ли — царь Димитрий-Лже?

То, наморщив торс гармонию,
Нам приказывает он
Покоряться беззаконью,
Начихавши на Закон,

Чтоб и звёздам стало тошно!
То — стальным хвостом — собьёт
С ног — хозяина (за то, что
Дом гостям не отдаёт!)

Сто помпей потопни в лаве, —
Нас теперь не удивит!
Нынче жаловаться вправе
Лишь... отдельный индивид!!!

Что ж? Да сбудется решение:
Да сотрёт убивца в дым —
Сербской беженки прошение
О простом суде над ним.

Но... такой же кровопийца —
Суд в Гааге! (Суд Тельца!)
Он не даст Христу напиток
У знакомого крыльца!

...Крокодил — бревно с расщепом
(«Во, — а боле ничего!»),
Станет жалким и нелепым,
Если топнуть на него.

Провались, погибель наша
В ров, за тридевять земель;
Крокодилица НАТАша,
Крокодил НАТАниэль!

13, 18 августа 1999

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

1.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

— Кто мне ответит, — спросил декан в заключение (Это должно быть известно художникам думающим!), — Что означают слова: «Золотое сечение»?

— Это, — ответил студент, не успев подготовиться, — Это — когда ваш ребёнок хамит, но ВыСЕЧЕН будучи, Вдруг ЗОЛОТЫМ становится.

2 марта 1981

2.

УЧЁНЫЙ МУЖ

Учёный муж — не тот, кто знает письма
Халдеев... И латынь... И наделён смекалкой...
А тот, кого жена
Порою учит палкой.

2 января 1976

3.

СТАКАН ФИЛОСОФА

Если стакан до краёв не долили,
Мне его видеть — каким?
Наполовину наполненным или
Наполовину пустым?
    Если мы в духе, — запомним
    Этот стакан — полу-полным.
    Если же вдруг загрустим, —
    Наполовину пустым.

3 октября 1959

4.

ЧУВСТВО МЕРЫ

Да. Стишки довольно серы.
Но, по-моему, не надо
Выдавать за «чувство меры»
Серость авторского взгляда.

Покоряясь чувству меры
И живя как будто в путях,
Трижды правы гулливеры
В королевстве лилипутов:

Если сам себя поддаться
Чувству меры не заставишь,
То, — куда бы ни податься, —
Всё — кого-нибудь задавишь!

Но святое чувство меры
И пигмей лелеет сглупу,
А такое «чувство меры»
Видно... только через лупу!

Ан — малютку и такое
«Чувство меры» жжёт и гложет:
Всё и вся — одной ногою
Задавил бы! Да не может.

1970-е

5.

НЕ ПОДХОДИ!

Не подходи к жаровне с лейкой,
К медведю — с тёплой телогрейкой,
А к леонардовой «Мадонне» —
С логарифмической линейкой.

Апрель 2001

6.

**СОВРЕМЕННАЯ ЛОГИКА
НА ПОЛНОМ СЕРЬЁЗЕ!**

Чтобы вновь развеселиться
Наконец могла и я,
За врагов моих... молиться
Обещали мне друзья!

Братцы! Если негодяи
И не стоят батогов, —
Что же вы так быстро взяли...
Сторону моих врагов?

И хоть я, — вы не сумлитесь! —
Благодарна вам весьма,
За СВОИХ врагов молитесь!
За МОИХ — уж я сама.

Апрель 2001

7.

ИСКУССТВО ДРУЖБЫ

Мне дружбы героическим уютом
Непросто овладеть, золоткрылым!
Дружить? Но как же?
Как Патрокл с Ахиллом?
Как Гёте с Шиллером?
Или... как Цезарь с Брутом?

Февраль 2001

8.

НЕ ГОРЮЙ!

Дружище! Не горюй, что я — без премий:
В густой толпе, где всяк — лауреат,
Неплохо: отличиться между всеми
Отчётливым ОТСУТСТВИЕМ НАГРАД!

6 октября 1969

9.

ПРЕМИЯ

И шум и гам, и трения и прения:
— Позор! Позор! Художник принял премию
Через посредство деспота, как плут!

Афина! Подивись на этих демонов:
Они и сами добрых дел не делают,
И деспотам их делать не дают.

1999

10.

КОМУ СУДЬБА...

Кому судьба на шпагах драться —
Уж за кирпич не должен браться.
Но — с незапамятных времён! —
Подобный тип распространён.

Ни в чём не взять ему умом,
А только подлостью да силой.
А норовит, чтобы о нём
Шептали: «Ловкий!», «Умный!»,
«Милый!»...

Но ошибаетесь, друзья,
Не поношенье — цель моя:
Без вышеназванных трюкачеств
Он был бы малый лучших качеств.

Как часто
Зрителей турнирных
Пленял бы он и ослеплял,
Когда бы выпадов рапирных
Пинками ног не подкреплял.

1967

11. ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН УЧИТЕЛЬ!

Кто нынче
В этом мире хрупком
Всех учит праведным поступкам?
Священник? Истинный поэт?
Актёр? Философ? Лекарь? Нет.
И не декан, и не старьёвщик,
А... НАТОВСКИЙ БОМБАРДИРОВЩИК!

Чего не повидали вроде?
Премногих подняли на свист...
Но вот вам — новое в природе:
Бомбардировщик— моралист!!!

1999

12.
ЖАЛОБА

Нынче в хозяйстве моём
Долго царит запустенье.
Где Ариаднина Нить?
Где Золотое Руно?
Нет! Кастальский Родник
Сохнет без примененья.
Дерзкий подкидыш Зоил —
Ходит не порот давно...

1982

КОНСЕРВНЫЙ КЛЮЧ

Как человек причудливый и нервный,
Я для себя решила как-то раз,
Что носорог похож... на ключ консервный
С малюсенькими бусинками глаз.

И что консервов запертая банка —
Конверсий броневойная деталь —
Навернякашки сделана... из танка!
(Сам носорог не вспорет эту сталь!)

Реформенное время наорало
На нас. И указало: — Москвичи!
Перекуём на бан... гм... на орала
Пожарского и Минина мечи!

И это было выполнено жёстко.
Но банку не раскрыть! Вот в чём загвоздка!

Сентябрь 1999

ВЫСТАВКА СТЕКЛА

Зачем хрусталь подделывать под жезь
Со множеством древесных бородавок?
Кораллы вылеплять и к морю несть, —
К нормальным — ненормальные вдобавок?

Зачем прозрачность — истинную честь
Фактур кристальных — в пекле переплавок
Спекать, гасить? Не слыша их заявок
На свой закон, что в каждой вещи есть?

Кто взял непроницаемый предмет
И сделал проницаемым на свет,
Тот мастер, ибо тьму схватил за глотку.

Но ты, что обучил стекло опять
Ослепнуть и лучей не пропускать, —
Не выдавай потерю за находку!

13 декабря 1985

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ В МОСКВЕ

Встречая зимних праздников пляду,
Москвич, умеющий повеселиться,
Совсем на не умеющих не злится,
Хотя веселье их — подобно аду!

Я этому таинственному ладу
Громилы с просвещенцем — надивиться
Не чаю!.. Мягко улыбаясь граду
Бутылок разбиваемых, — столица

Культуры — об осколки с лаской трётся!
Так — скромненькой любитесь пирушкой
Учёный путешественник... Так дама

Приятная во Всём — у дамы Просто
Приятной — одолжается понюшкой...^{*}
Так негодяй оправдывает хама!

6 января 1999

---

* Имеется в виду, конечно, понюшка нюхательного табака.

ТРЯПИЧНИКИ

И грянул варвара глумливый смех...

Иван КИУРУ

I

Во что ты вылилась, Москва моих сонетов?
В Гоморру и Содом богатого дельца!
Устроив «Выставку белья времён Советов»,
Толпа бездельников — покатывается...

А я — полгорода прошла: ищу обновку.
Взбрела мне в голову неслыханная блажь:
Обыкновеннейшую майку-трикотаж,
Как в годы прежние, купить на трёхрублёвку!

Но недоступна мне сегодня вещь сия.
Ведь, кажется, пустяк? Почти и не одежда, —
Тряпица от жары! Ан стоит — с полкоттеджа...
Вы, лыбящиеся на выставке белья,

Отдайте БЕДНЯКАМ все эти тряпки, гады!
В отличие от вас — о н и им будут рады.

30 апреля 2001

II

НЕДОСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

А если что-то сшито плохо,
То это тоже не смешно!
И не была смешной — эпоха
Работниц, ткавших полотно.

Что к лету может быть нарядно?
Сатин да ситчик искони!
И ЧАСТО в платьях, сшитых ЛАДНО,
Ходила Скромность в наши дни.

И тщетно нынешние «баре»
(Те, что потолще и постаре)
Под видом «прежних» туалетов

Несут на Выставку с в о ё
(Чтоб доконать страну Советов),
Довольно гнусное бельё!

30 апреля 2001

III ФОРСАЙТЫ*, ИЛИ ВЫСТАВКА ИСПОДНЕГО В ПРАВОСЛАВНОЙ СТОЛИЦЕ

Пока форсайты в ресторане
Препровождают свой досуг,
Форсайты-Два — полны стараний
Отвесьте особенный сундук

Рукоподелью своему,
Чтоб навязать сии пошивы
(Форсайтоёмки и паршивы)
Социализму самому.

---

* Здесь Форсайт — нарицательное: богач. (См. «Сагу о Форсайтах» Голсуорси).

Гляжу, как ёж на изречение,
На их высокое чело:
Сколь колоссальное значенье
Для них имеет — БАРАХЛО!

Но это ИМИ — в целях адских —
Закреты сотни фабрик ткацких.

30 апреля 2001

ФАБРИКА

О фабрика! О смуглая!
Рангоутно-округлая!
На зеркале воды
Огней твоих ряды.

Ты всё ли ещё та же —
Народных благ на страже?
Ты спишь или не спишь?
В твоих кувшинках сливочных,
И в маленьких распивочных,
И в тумбах для афиш?

Тебя я помню — звучную,
Совсем не злополучную,
И мощную и штучную,
Как в бухтах корабли, —

В гудках твоих ликующих
И в людях — фабрикующих
За скромные рубли —
Шелка для всей земли!

О ранняя! О странная!
Негаданно-мечтанная!

Хоть шёлковыми хлопьями
Коснись и окрыли!
Безвылазными топяи —
Куда ж мы забрели?!
Какой мы жребий вынули?
Зачем тебя покинули?
Зачем не сберегли?

Усы
Нафабрю-ка, —
У сына —
Фабрика!
Пожалуй, вот нам
И каламбур.

Но скалы с бурями
Не скаламбурены,
А безработный вам —
Не балагур!

И (не считая за вечер
Забывтой рифмы к «ваучер»)
У запертых ворот
Ему не до острот.

О фабрика!
С нашего детства копия!
Ты дальше от нас, чем Африка,
Чернее, чем Эфиопия!

В твоё правдоподобие
Дельцы не верят якобы.
Но если ты «утопия»,
Зачем тебя захапали?

Не то приоб^ер^ет^и **Береги,**
Не то — пренебрегли...
...Но ты пока — дремли,
Играй в игру «Замри», —
Смиренная и смелая,
Кирпично-загорелая
Мечта! Эпоха целая...
О фабрика вдали.

8-13 апреля 2001

ФРАНСУА ВИЙОН

С лицом, навсегда озабоченным
Отдачей неясных даров,
Он медленно брёл по обочинам
Каштаново-рыжих дорог.

Травинками Франция трогала
Его. И шептала: «Поэт!».
Потом без него жить попробовала
Пять сотен томительных лет.

Остались окутаны тайною
Его бытие и конец.
И толки ходили случайные:
«Кем был гениальный певец?»

Кем был? Разумеется, гением!
Вы слышите ль голос живой?
Так что ж вы смотрите с сомнением,
Качая в ответ головой?

Он был, говорите, стяжателем,
Но суд ему дал по рукам?
Зачем же он создал (не скажете ли?)
«Анафему клеветникам»?

Запутавшийся, опустившийся,
В ругне, в осквернениях уст...
На золото чужое польстившийся?
Так что же карман его пуст?!

Не верьте суду современников,
Ему справедливость — пустяк!
Он славит вельможных мошенников,
Но травит он нищих бродяг.

Зря ждал, что хоть после окупятся
Невзгоды пропащих времён;
Никто и В ВЕКАХ не заступится
За Ваши лохмотья, Вийон.

Напраслина — страшная силища!
Не худо бы вспомнить о том.
Но вновь мы стоим за судилище,
А не за певца под судом!

Простится предательство,
Скряжничество,
Убийств и палачества смрад...
Но гиблое дело — бродяжничество!
Его и В ВЕКАХ не простят.

***

Ивану Киуру

Кастальский ключ проник во все проёмы.
Росли из прядки струны и лады.
И в летописцев первые труды
Вошли певцов и риторов приёмы.

Что там — поэты! Судьи и суды —
Уже и те с поэзией знакомы!
В их протоколах спрячутся следы
Лиризма и ораторские громы...

Придёт художник — правого спасёт,
Неправый суд на холст перенесёт.
Все гении сначала — адвокаты.

И входят в мир, причудливо смешав
Шум ветра, звёздный свет, защиту прав,
Страсть к истине и вешние закаты.

1970-е

САВОЯР

Да. У шарманщика песня — одна.
Или несколько песен всего.
Только не верь, будто сам савояр
не придумал в пути ничего:
Много он выдумал песен своих, и порыв сочинителя смел...
Много он выдумал песен своих!
Да в шарманку вписать не сумел.

Даже с такой, как шарманка его,
«хитрой» техникой он не в ладу:
Ручку вертеть — не наукой владеть.
Это люди имеют в виду!
Песни шарманщика те, кто учён, прибирают охотно к рукам,
И многих богатыми делает он,
оставаясь шарманщиком — сам.

Вот он и странствует, мой савояр,
по дорогам — вперёд и назад,
А рядом, сливаясь в радужный шар, безоружные песни летят,
Облачком огненным — следом —
летят над котомкой его и плечом,
Только старик и при песнях своих
остаётся всегда — ни при чём.

Да, у шарманщика песня — одна.
Но у ней МИЛЛИОНЫ ладов!
И ни единый из этих ладов он отдать
НАСОВСЕМ не готов.
И проклинают пройдохи его, и желают певцу — помереть!
И норовят, — не дождавшись того, —
непокорную песню — стереть.

Да. У шарманщика песня — одна.
(У шарманки их пять или шесть).
Беден товар? Но и сам савояр —
первомастер мелодии плесть:
Много придумал он песен своих
и припевом снабдил дорогим,
Но, хоть и смел, — записать не сумел, —
и ушли его песни к другим,
Ла-ла-ла, —
Перешли его песни — к другим.

7 мая 1999

* * *

Есть вопиющий быт, есть вещие примеры,
При всей их важности не лезущие в стих.
Закон стиха суров: он ставит нам барьеры
И говорит: «Скачи, но лишь от сих до сих».

Есть клады ценных слёз, есть копи, есть пещеры
Алмазных вымыслов и фактов золотых,
Но муза не придаст им ни малейшей веры,
Пока отделки блеск не заиграл на них.

Как часто тёмная певца терзает сила!
Как песня бы его страданья облегчила!
Пой, торопись, Орфей! Твой дар тебя спасёт!

Уж весь подземный сонм его за платье ловит...
Погибнуть может он — пока слова готовит!
Но не готовых слов он не произнесёт.

1980

ПЕСНЯ РЫЦАРЯ

Когда к Торвальду,
Бойцу и скальду
Пришла беда-напасть, —
Бойцу и скальду —
Пришлось Торвальду
На поле битвы пасть.

А сердце скальда — совсем не сталь,
И рука у него — не сталь,
Но когда пробил его смертный час,
Он пощады просить не стал.

И вот наступили ему на грудь
Окованною ногой:
— Последнюю волю твою говори
И завет
Последний
Твой.

— Последнюю волю мою скажу:
Как был я скальд и сам,
То передайте мои слова
Всем скальдам, всем певцам.

Пускай не смеют они просить
Себе за труды венец;
Пускай на свете они живут,
Как должен жить певец.

Но да спалит их гнев небес
И ада смертный зной,
Когда унизят себя они
До сделки с сатаной!

Пускай высокую честь певца
Всегда хранят они;
Не только в солнечные дни,
Но и в ненастные дни.

Начало 1970-х

III
ПРОСТОДУШИЕ

ЯЗЫК ДЕТСТВА

В детстве я встретила слово «зияние»,
Камнезвещающее, точно змея:
«Бездны зияли». Так это ж «сияние»!
«Бездны сияли!» — подумала я.

Дальше я встретила слово «нисходит»;
«С высей нисходит...» Вот снова секрет!
Всё-таки «сходит» он или «не сходит»?
Пусть он решается: да или нет?

Дальше узнала я слово «дерзание».
Эх, не считайте другого глупцом!
Если содержите в планах «терзание»,
Так и скажите! И дело с концом.

Не Микронезия, а Мокронезия!
В воде, в воде! А ещё? Нигде.
Была в ней пронизывающая поэзия
Галоши, плавающей в воде.

...Идёт усыпляющий дождь тропический,
Зигзаг прилива бежит впотьмах,
Молния
Картою географической
В чёрных показывается небесах.

Вижу несчётные грады и веси я,
Шапки магнолий, как сахарный снег...
Мокрые пальмы скрипят: «Мокронезия...»,
Вторит им гром: «Нантакет...»,
«Бробдингнег...»

И годы шли.
Исправленья законные
Принял учтиво мой скромный язык:
Молча словечки отверг неучёные
И от неправильностей отвык.

Уж не ведёт к ним тропинка заросшая!
Взрослым за ними — судьба не велит.
(Ведьмински-стар и лукав, кто нарочно
Эти неправильности говорит!)

Разве что... тёмной предутренней ранью,
В серую темь, когда все ещё спят,
Тихо и крадучись
В полуреальный —
Полуприснившийся выбраться сад?

Там, у стены крепостной,
У подножья
Яблонь кривых беззаботно присесть,
И соучастницей — тьмой бездорожья
Отгородясь от всего, что ни есть,

Камень достать из стены, самый крайний,
Красного дерева ящик извлечь;
Спит в нём, ах, спит в нём
Покрытая тайной
Храброго детства забытая речь!

1980-е

ПОРТНИХА И ФАБРИКАНТ

Памяти Чарльза Диккенса

...И вот он — фабрикант игрушек Стеклтон.
А вот портниха кукол Дженни Рен.
Пройдоху Стеклтона с портнихой кукол,
Конечно бы, и так никто не спутал:
У Дженни лучезарных, до колен,
Волос волна. Костыль. Запас чудачеств.
Да неустройство — бедности удел...
А Стеклтон — плут с охапкой гнусных качеств.

И всё же нужен тут водораздел!
Всё разное у них: нрав, голос, платье,
Карманные расходы, возраст, вид...
Но, думалось, у них одно занятие?
Игрушка! — вот что их объединит?
Как бы не так! Не знали до сих пор вы
В несхожести
Такой бездонной прорвы,
Как с корнем истребляющий надежду,
Змеиный тот неодолимый ров,
От века разверзающийся между
Игрушечного дела мастеров!

Так вот вам — фабрикант игрушек Стеклтон!
И вот портниха кукол, Дженни Рен.
Чу! — тихо, тихо Дженни напевает,
Оборки к платьям кукол пришивает...
И вместе с ней не знают перемен
Иголлка с нитками, лоскут батиста,
Напёрсток, ножницы (в них блещет солнце швей).
Лишь вымыслом изменчив труд артиста.
Но неизменен в честности своей.
А Стеклтон? Фабрикант игрушек Стеклтон?
Он тут как тут (и весь его успех в том),

С прелестным эшафотиком в руках,
С опасенькой взрывчаточкой в кульках
Премиленьких с машинкой-каруселью —
Чтоб испускать зловещее веселье,
Унынье, одиночество и страх.
Чтобы упали сумерки рассудка,
Где ни цветов, ни мельниц, ни ручья;
Чтоб Фантомаса нянчила малютка,
Игрушечную ведьму и Хрыча
Иль Гарпию. (О сэр, какая шутка!)

Детей родители учат
Игрушек своих не бояться:
На их шипы,
На их крючья,
В их когти не попадаться,
Но гаснет свет —

и крик несётся из детской...

Вдруг... Цзынь! — орех раскалывает грецкий
Щелкунчик! Потеплели тени стен.
Заря приподнимается с колен
Затекших... Глянь: потоки света мчатся
С небес в долину!.. Утро. В дом стучатся.
— Кто там?
— Портниха кукол, Дженни Рен.

1970-е и 80-й год

СОН ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ДИККЕНСА

...Не помню — с какого момента
Я сил ощутила нехватку.
(Ведь память порой, — как монета
В дырявом кармане! В подкладку

Скользнёт — и ждёт в ней годами,
Чтоб мы для прохожей цыганки
Потом нашли её сами
На дне протёртой изнанки!)

То явь или сон был волшебный?
Чужой к нам наведался в гости.
При нём (до того был враждебный),
Упав, я уменьшилась в росте.

И тут — мне велят удалиться:
Ступай-ка ты прямо на снег-де...
Большой была — где притулиться
Имела. А маленькой — негде.

Сильней, чем в прежнем, обычном, —
Я в маленьком виде — мешаю;
Своим «себялюбием» личным
Я всех пространства лишаю!

Все маковые росинки,
Как я, говорят, себялюбки,
И лучше им жить — на тропинке,
На снежной танцующей крупке...

— Их лошадь затопчет! — Да нет же;
Они должны сторониться

Копыт, во смиренной надежде,
Что Джон — хороший возница...

— Да я вон на той этажерке
Устроюсь! Не отыму я
Пространства! Я в той жардиньерке
Цветочной — перезимую!

Но сёстры с их старшей подругой,
Но мачеха с мужем
Отныне
Нашли мне местечко под выюгой
Среди вечеряющей сини,

По-своему полной уюта.
Да холодно здесь почему-то!
И мне продолжает сниться,
Что вновь я должна потесниться...

Большим не хватает чертога,
Лугов, коней у подъезда.
А маленькие — так много
Всегда
Занимают
Места!..

6 декабря 1987

А ты суеверна, как негр-моряк;
Вздрагиваешь
И от скрипа двери,
Не начертав перед тем на дверях, —
На косяке, и сыром и вздутом,
Невыносимый враждебным духам
Знак!

Так. Но, доставя им стих для прочтения,
Далее — не изъявляй к ним почтения, —
Не поддавайся опасным бредням;
Спи ты, спи, неусыпный страж!
Двери же старые
Утром бледным,
Чтоб не скрипели, —
Смажь.

1963 и 1980-е

РАСКРЕПОЩЁННОСТЬ

Ты говоришь: «Хочу дать сердцу волю;
Поддамся гневу, чванству, лени, страхам,
Пуд лишнего себе свершить позволю, —
Уж то-то будет лирика с размахом!»

Ты говоришь: «Раскрепощаю слово!
Ужимок не могу терпеть манерных!»
Но всё ль «раскрепощённое» так ново,
Чтобы новее быть времён пещерных?

И вещи разве ты не видел жутче
«Паркетного манерничанья»? Боже!
Когда пожары и пивные путчи,
«Манерность» ни при чём, «паркетность» — тоже,
Зато «раскрепощённость» кажет рожю...

Знать к сёмге вкус, к себе грести руками
Ещё никто за партией не учился.
А сдерживанью учатся веками.
Но мало с кем большой успех случился.

...В далёкий путь певец пустился юным
И мнил: «Зачем старик шарманку крутит?
И лирнику зачем бряцать по струнам?
Струну порвать — вот то-то песня будет!»

Не чуя пальцев он, в кулак сведённых,
Рыдал: «Поймите, сколь свободны все вы!»
И с кафедр, виноградом оплетённых,
Стада сатиров звал топтать посевы...

Как Дионисов грек, не то Аттила,
Безумство проповедовал успешно.
Вернулся к ларам. ...Дух перехватило,
И шапку с головы стянул поспешно.

Богатым вышел он, вернулся нищим
И над могилами поник смущённый.

...А где-то там, над общим пепелищем,
Носился Ницше дух раскрепощённый...

ГЕНРИХ ТЕЙНЕ

Избранник муз в торговых кланах редок, —
Поэзии банкирство не к лицу.
Герр ростовщик почти нормальный предок
Кому угодно. Только не певцу.

Но если род, столь преданный Тельцу,
Вдруг Ориона выдаст напоследок;
Но если — против чаянья, вот эдак, —
В цепи предлинной, где делец к дельцу,

Смешав их строй, сверкнёт Поэт впервые, —
Обрубит он все корни родовые,
Не их прославит, выразит — не их,

Нет! — сердца жар отдаст он *всем народам!*
Лишь дом свой бросит. Где девиз над входом
Звал жить иль гибнуть — только для «своих».

1970-е

КАПРИЧЧИО

У врат железных ночи,
Тяжёлых ворот дозорных —
Волнующееся море
Пантер несметных, чёрных.
Изгибы их, о, извивы!
Приливы их и отливы...

То низко припадают,
То выпрямятся пружинно...
Враскачку,
Вприскачку
Танцующая дружина.
Они как змеи с ногами!
О них легенды слагали...

В шпарящих лилиях зевов
Пары малиновой серы...
Цербера образ — не сделан ли
Из ползающей пантеры,
На подступах к вещим дарам,
Кипя, опекающей храм?

Железо ворот просвечивает
Сквозь их прыжки неясно...
К воротам, к железу ночи
Притрагиваться — страшно!
Боюсь пантерьего хора,
Страшусь их белого взора!

Привратника-то не дождёшься
С его фонарём остывшим:
Подумаешь поневоле
О нём, ворчливо острившем
Веками уже! — спросонок.
    Невинном, как ребёнок,
    И старом — уже веками...

    Приходит мысль о Дункане:
    О крови его, пролитой
    Под верной стражи защитой
    (Хоть не было, например,
    В Дункановом замке — пантер)...

Пантеры — чернее сажи —
Всё пляшут...
О, их пассажи!
Гримас (и в пляске — брюзгливых)
Сквозь ночь летучие знаки;
Цепей незримых
    Во мраке
Обманчивая длина
И страшных глаз белизна!

    В пятнышках ночи облачной
    Прыжки их — чёрные обручи...
    Взлетев, клыками наточенными
    Себя за хвосты хватают они;
    На сером железе ночи —
        Кольцо в кольцо —
    Пролетают они
    С размаха...

Мнится: уж не снести
Мне больше ни крошки страха!
Но... Это всего лишь кусты
Ночные! И ветер холодный,
Осенний,
Свободный,
Свежестью благородный —
Порывами из темноты...

Кажется: не снести
Мне больше ни капли жути!
Но... это всего лишь кусты
По сути! — гибкие прутья;
Прогнутья их
и разогнутья,
А не хвосты, не хребты!

Железа ночи не бойся.
Завеса ночи — не больше,
Как тьма, неровно-кромешная,
Как роща, в тьме непромешанная...

Не жди другого кого-то:
Иди и открой ворота.
В мелькании ветра нашаря
Тайный нажим на шаре,
Цепь разомкни, —
Входи;
Дункана предупреди!..

***

Восток, прошедший чрез воображенье
Европы, — не Восток, а та страна,
Где зной сошёл, как тяжесть раздраженья,
А сказочность — тройне заострена.

Где краски света, музыки и сна;
Шипов смягченье, роз разоруженье,
Жасминовые головокруженья,
В ста отраженьях — комнат глубина.

Сто потолков огнём сапфиров движет.
Сонм арапчат по жёлтой анфиладе
Бежит — и в то же время на коврах,

Далёких, золотых, недвижных, вышит...
А дым курильниц всё мотает пряди —
Не вовсе с прялкой Запада порвав...

1970-е гг.

ГИМН ДЕТЕКТИВУ

Люблю толковый детектив!
Где рыщет ловкий коллектив
Сыскменов! Где лежит, шикарен,
На нежном бархате — алмаз, —
В лучах, — как в иглах дикобраз
Или как палица с шипами...

Нет! — как морозная звезда
В Рождественскую Ночь! Когда
Метель, как терние, колюча;
Когда со снегом, с талым льдом
За Лестрейдом влетает в дом
Сплошных упущенностей туча...

Люблю, когда на Бейкер-стрит
Ленивых мистер Холмс корит
То за одно, то за другое...
(Вот чей высокомерный вид
Не спесь дурацкую таит,
А преднамеренье благое!)

— Взгляните, доктор Ватсон, сэр,
На это блюдце, например;
Что скажет вам его каёмка?
— В ней тоже прячется злодей?
— Нет. Но для вдумчивых людей .
Любая вещь — наукоёмка.
В наружной простоте своей...

Часы летят... А мы читаем...
Что делать, если попадаем
За то у снобов под клише!
Мы не художники Монмартра,
Мы не поклонники поп-арта,
Но детектив — нам по душе.

Чего ж мы ищем в этих книгах?
Давно освоясь в их интригах,
Что видим там? Всего скорей —
Те перекуры в Скотленд-Ярде
И то, как ночью на бильярде
Лежат лучи от фонарей...

Не кровь убитых нас влечёт,
Не кровь пугает. Бойся тот,
Кто к преступлению способен
(За что и сыщиков клянёт)!
А наш — беспечен и незлобен
К таким историям подход.

Мы знаем, что НЕ МЫ убийцы,
НЕ МЫ — лжецы и кровопийцы;
Хоть и грешны по мелочам, —
Мы в этом смысле бьём баклуши.
И жертв замученные души
НЕ К НАМ приходят по ночам.

Вот почему и в детективах
Мы верим в сыщиков учтивых,
В бесстрашных праведных судей, —
В мир, где инспектор неподкупен,
Преступник — ЗНАЕТ, что преступен,
Злодей — НЕ РАД, что он злодей!

Где чёрное, промежду делом,
Ещё не называют белым.
Есть глупость. Но ещё нигде
Не выдают на том этапе
Фигуры «Без порток, а в шляпе»
За «Обнажённых в канотье».

Мир, где прослоечное тесто
Сидит в квашне и знает место.
Где ни единый идиот
Ни за какие «перестройки»
Певичку и певца Прослойки
«Народными» — не назовёт!

Где типов масляных и сальных
Пока не числят — в колоссальных
Героях Шпаги и Пера.
А в плагиаторах нахальных —
Не чтят колоссов эпохальных,
Отлитых сплошь — из серебра...

Не перешло ещё в методу —
Чтоб напраказившим — свободу,
А жертву — накрепко связать!
Для персонажей детектива
Добропорядочность не диво.
Но... что об Авторе сказать?

Отстав от Диккенса во многом,
Он тоже КЛАССИК перед Богом;
Клеймит нечестье,
Чтит Закон,
Часы по классикам сверяет.
И матюгов не повторяет
За уголовниками он.

А нынче — швабрам голос даден,
По мненью коих... «кровожаден»
Любой, кто требует Суда!
Самих убийц — не числят злыми.
Как будто кровь убитых ими
Не кровь, а просто так... вода!

Ты, отводящий тяжесть кары
От рассыпающих удары,
От исполнителей расправ,
Не ты ли (что всего ужасней)
И есть заказчик ЭТИХ казней?
И потому — чем безнаказанней,
Тем лучше для тебя? Ты прав!

По-своему, по-людоедски.
И в полном смысле — по-мудречки!
(Ведь, если человек — мудрец,
То это, кажется, надолго?)
Но ты мне гнусен, балаболка,
«Свободолюбца» образец!

С открытой казнью споря гласно,
Ты притворяешься напрасно:
Ты всё равно её творишь, —
Но по секрету (в ночь и в темень!),
Казнь тайную! Зато — над теми,
Кого ты с а м приговоришь!

...Люблю старинный Детектив,
Где, незадачлив, но правдив,
Грустит в курилке сыщик младший
(Поди — профессию освой!),
Где нарушитель, — ангел падший,
Позор оплакивает свой...

*Декабрь 2000,
Январь и февраль 2201*

* * *

Вокруг деревьев и домов
Стоят безветренные дни.
Мне раньше снилось много снов, —
Теперь не снятся мне они.
    Но и в бессонницах порой
    Народный снится мне герой,
    Что в дольний мир по временам
    Так запросто приходит к нам.
На протяжении лет и эр
В толпе готов ему удар.
Джон Браун был тому пример,
И Линкольн принял гибель в дар.
    И Джон и Роберт обрели
    Покой в довременном раю,
    Чтоб за холмов грядой, вдали,
    Дин Рид! — услышать песнь твою...
Рабочий класс!
Велик запас
Друзей-спасателей у нас.
Певцом Джо Хилл
Рабочим был,
Так что ж никто его не спас?
    Взошёл на небо Мартин Кинг,
    Как голос по колоколам.
    Но тем наглей, устроив ринг,
    Возились крысы по углам...
Кругом деревьев и домов
Стоят безветренные дни.
Мне прежде снилось много снов, —
Не снятся больше мне они.

Но в том бессонном странном сне,
Где сад уснул и град уснул,
Герой народный снится мне
И тот, кто в ров его толкнул.

Да. Вкруг заборов и ворот
Настала тишь и благодать.
Грабителей — невпроворот,
А вот героя — не видеть.

Но и сквозь сон
И сквозь не-сон,
Сквозь ночи пасмурный заслон
Я снова слышу, как порой
По улице проходит он.

А там...

— на дальнем берегу
Стоит — и машет,
машет мне...

И глаз открыть я
не могу —
От слёз, пролившихся во сне.

1980-е

УЛЫБКА ДЕЛЬФИНА

Да, улыбается дельфин. Улыбка эта
Скрывает под своей таинственностью дивной
Спор бдительного сна с тягучестью рассвета,
Сплав прямодушия — с хитринкою наивной.

В ней греческих богов немеркнувшее лето,
Непризнавание зла, непониманье лжи в ней,
Но просьба и вопрос: извечный, непрерывный,
Не замечающий, как долго нет ответа...

Доверчивость его жутка, страшна мне что-то.
Вот он играет в мяч... Яхтсмены и яхт-клубы
Следят, рукоплеща... (Они ведь не плохие!)

Но крикнуть хочется, — едва лишь за ворота
В открытый океан он прыгнет, и стихия
Его помчит на дно: «Не возвращайся, глупый!»

1980-е

ПРОСТОДУШИЕ

Как мне вернуть тебя, о простодушие?
Ведь без тебя певцу певцом уж быть нельзя!
(Но и с тобой... — пусть ярче вдохновение,
Да притуплённой слух, слабее зрение...)

Вот и гадай — когда певцу способнее
Носить венец из лавра и парнасских роз:
Когда он сердцем прост? Но слеп и глух почти?
Или когда востёр? Премудр до глупости?

Как совмещать тебя, о простодушие,
С полезной зоркостью, с предосторожностью?
Спросить хотела я, проведать мнила я,
Но ты ушло, ушло... И не спросила я.

Не то пугливое, не то суровое,
Ты это иль не ты, а нечто новое?
Бежав, как заяц, прочь, — где ты находишься?
В каких полях на беркута охотишься?

Есть, есть в людских сердцах
для чистоты приют,
Для простоты светлица есть.
Однако же

Как «чистым» быть тому, кому в лицо плюют?
Как быть простым тому, кто не дурак уже?!

Как мне вернуть тебя, о простодушие?
Прорвав колючки трав, открыть простор морской?

Как заглянуть мне снова в те бездонности,
Что недоступны взгляду умдрённости?

Ах! — золотым стилем рука писать могла,
Живи я, лишь твоих подсказок слушаю...

Но, вспыхнув и прозрев,
твой свет сгорел дотла,
Но ты ушло, презрев
иезуитство зла.

Ты не вернёшься больше,
Простодушие.

ЗАКАТ

Закат прекрасен, как душа Лауры,
Как мысль травы, сияюще-зелёной,
Как мысль травы, поднявшаяся выше
Древесных куп над далью ослеплённой.

Темны деревья. Но поля покато
Облиты блеском... Я догадки строю:
К чему столь расточительная трата?
Не связано ли всё, чем жизнь богата
И не напрасна, — с пламенем заката
Надёжнее, чем с утренней зарёю?

Блеск и огонь на бузине укромной.

Блеск и огонь на пыльно-золочённых

Волнисто-старых стёклах кухни тесной,

Раздвинувшейся вдаль, как зал учёных,

И в гроздьях вулканических рябины, —

Как стекловидный пурпур изверженья,

Внезапных, проницаемых прозрачно

И раскалённо-жидких на мгновенье.

Да, как трава, зелёный! Травянисто-

Зелёный! — травянисто-лучезарный

Жар, свежий пламень! С тенью золотою,

Союзной свету; жаркой тенью тою,

В какой не скроешь умысел коварный!

Да! Итальянский свет! Пушисто-красный,

Оливковый... В слепящих срезах глины,

На голубятне, в рощах... В ренессансных

И кардинальских пурпурах рябины,

Уже непроницаемых, однако,

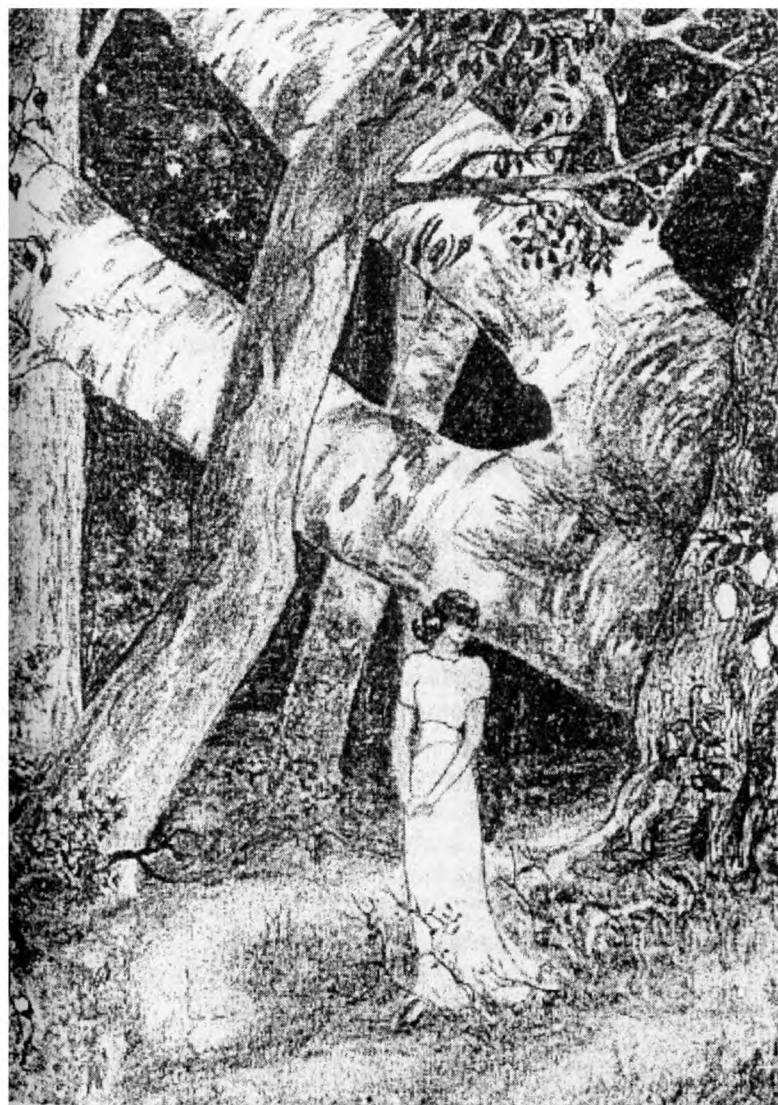
Уж не кипящих на пределе жженья.

Но даже весть о допущенье мрака

Теперь не омрачит воображенья!

Черны деревья,
Что вдали горели
Кольчугой медной и драконьей раной
И реяли, как плащ героя рдяный:
Там ночь и осень. Свёртываясь, гаснет
Драконьей кровью клёнов жар багряный.
Но так неукоснительно, так властно
Движеньё поступательное света,
Что в ночь уже не веришь.
Сердцу ясно:
Не может тьмою кончиться всё это.

1970-е

IV

ИСПОВЕДЬ «МИМОЗЫ»

«ДАМА В ГОЛУБОМ»

(Картина Сомова)

Ручей вечерний, тёмный, —
Тёмный и как бы... сухой! —
Летел, как смутный ветер,
Над лиственной шелухой.

И веяли сумерки нежные
Фиалкой и серой ольхой.

Ручей, как дуновенье,
Как летняя выюга, мёл,
Как волочащийся по траве
Воздуха серый подол,

И отразиться в нём не смел
Дерева серый ствол.

Ствол отразиться не успевал
В нём до прихода тьмы;
Себя опаздывали узнать
В нём тёмные купы листвы, —

Тёмные купола листвы,
Своды и купола...
И — странная! — отразиться
в нём

Женщина не могла.

Она стояла чуть в стороне —
Дама в голубом;
Свод листьев двигался, помрачнев,
Над невесёлым лбом.

Всходила ли где-то уже луна?
Закат ли где умирал?
Но лихорадочный на щеках
Румянец у ней играл.

Молчали волосы у неё,
Как вымершая трава.
Лишь синий шёлк был на ней хорош,
Да жёлтые кружева.

И отразиться в ручье не мог
Её голубой подол.
Хотя — мостом —
Стоял над ручьём
Накрытый к ужину стол.

В душистых сумерках я — туда,
Туда! В восторге! Бегом!
Две ножки стола на одном берегу,
Другие две — на другом...

Всё перепрыгиваю ручей;
С какой стороны мне сесть?
И вариантов-то — только два,
Зато прыжков — не счесть!

Ручей два пышных леса
Одной полосой связал;

Вдали
Появлялся из одного,
В другом лесу — исчезал...

Проходят рыбы под самым столом,
Хвостами волну метут...
(В садах воображения
Цветы мои цветут).

Проходят рыбы под самым столом,
И задевает порой
Хвостами — кисти скатерти
Их золотистый рой...

И снова детей своих кличет мать...
А мы в садах танцуем опять...
А ужин давно готов
(Стол — с этой картины, а золото
блюд —
С картин других мастеров)...

Уже закат на дубах погас
Под облачную бахромой...
То был как раз
Мой любимый час
Меж сумерками и тьмой!

Но... хмурю предвещала ночь,
Но кровь леденила мне
Странная женщина в голубом,
Стоявшая в стороне.

23, 24 марта 1976

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Скабрёзность, жуть и недомолвка
Кому-то кажутся забавными.
Но не было ли кривотолка
О тех, кого считали «фавнами»?

Миф закоснел на их фигурах.
Но, может быть, не «козлоногие»,
А просто — люди в козьих шкурах?
Скрывающиеся, убогие.

Не множественные силены,
Не существа необъяснимые,
А попросту — аборигены,
В глубь леса греками теснимые?

В слепых чащобах, в рощах зрячих
Они к своим же «нимфам» сватались.
И у источников горячих
В пещерах от «законов» прятались.

По горло сытые при этом
Их цитаделей покореньями,
Всегда в бегах, — питались летом
То виноградом, то кореньями.

Но — с воцарением Борея —
Для приисканья пропитания
Из чащ выныривали, — сея
В народе страх и трепетание...

Скабрёзность, жуть и недомолвка,
Быть может, выглядят забавными.

Но не было ли кривотолка
На тех, кого прозвали «фавнами»?

Смех закоснел на их фигурах.
Но, может быть, не «козловидные»,
А просто — люди в козьих шкурах,
В конечном счёте — безобидные?

Бедняги вряд ли были злыми!
Но некоторые — задирами
Казались. Несколько смешными ^{се}
(За что и прозваны «сатирами»).

Так и не сдавшиеся грекам,
Но замершие в беге внутреннем,
Пелазги жили в Царстве неком,
Пустой мечтой оперламутренном.

И греки
Их детишек сирых
Порою возвращивали ласково...
И даже в песенных турнирах
Иной воспитанник участвовал.

И эллин Феб, сторонник пользы,
Повинен не был в истязании,
Сняв с человека шкуру козью,
(Не кожу, нет: ОДЁЖУ козью!),
Как победитель в состязании.

Ноябрь 1998

ПУШКИН И ВОЛЬТЕР

Не знаю: были правы иль не правы
Античности улыбочивые люди,
Но в том, что были счастливы они,
Последние сомнения гони:
На древности серебряном сосуде
Ты не увидишь пятен в наши дни.

Искусство — отблеск счастья
Не прямой.
И лишь НЕПРЕВЗОЙДЁННОЕ искусство
Отчётливей о счастье говорит;
Смелей, прямей в рог радости трубит,
Являя нам и светлый непокой,
И весь возможный мир общности людской
Затем, что не запальчиво, не шустро,
Не переусложнённо, не красно,
А попросту — БОЖЕСТВЕННО оно.

О, был ли счастлив наш поэт великий,
Когда, под шум древес многоязыкий,
Кумирами Язычества пленён,
Он был... христианин. Но, дружный с наважденьем,
И вещим, озорным ведомый заблуждёньем,
ВПОЛНЕ христианином — не был он?
Поэт, которому весна стучится в грудь,
Пока х о т ь т а к , — но счастлив будь!

Прозренье редко людям душу греет.
А заблуждение не долго длится.
Простим часы гармонии певцу;
Тому и «многобожие» к лицу,
Кто эллинских богов так близко видит лица,
Неповторимому доверясь Образцу.

Простим полуневеденье блаженных
Воспитаннику статуй совершенных!
Что вокруг него?
Античность во плоти,
Чьи духи осязаемы почти...
И сладок лёгкий хлад касаний их мгновенных.

Судьба ль тебе назначила, Поэт,
Быть одиноким даже и со свитой?
Жить отрицаньем, но... во цвете лет?
Безверие питать. Однако ж под защитой
Таинственных божеств Эллады знаменитой.

Но в миг младоязычества (игрой
Беззвучной схвачен изваяний рой
Улыбчивый...) —
«Фернейский злой крикун»
При них же... И настройку вещей струн
Фернейцу приписать так хочется порой!

Твоей прохладой, мрамор ключевой,
И свежей тяжестью листвы над головой,
И виршей звонких записью живой
Не знаешь иногда — кому обязан:
Наивным грекам?
Царскосельским вязам?
Или сарказму радостно-кривой
Усмешки вашей, искуситель старый,
Гудоновский Вольтер, насмешник сухопарый?

Святой Господь, помилуй и спаси
Людей, меж нигилизма и красоты
Увязнувших, пленясь неравной парой!
Забыв, что дале — ад; забыв, что на Руси
Оглядка надобна; что ментор хитроярый
Весь круг полётов пленника следит, —
Опомнись! И спроси, доверчивый пиит:
Кто, ежели не Бог, безумца защитит?

Не поздно ли?
Тогда... Зачем так дивно веет
Теплом — ослабевающий закат
От невесомых лиственных громад,
От их цветного дырчатого мрака?
(Бывает мрак, но радужный, однако!);
Зачем ты счастлив?
Ах! Ещё успеет
Исправиться неисправимый бард!
Хоть и не Феб его накажет за азарт,
Не Пан и не Гермес, — проказливые дети,
А тот безбожный мим,
Что примешал своё изображение к ним,
Не веруя ни в них и ни во что на свете;
Ни в радость, ни в друзей, ни в стоящих врагов,
Ни в христианских, ни в языческих богов...

О! Там, где Царское, где Павловск, Петергоф
С их европейским сном, укрomным и пригожим,
Ещё не дрогнули перед лицом снегов,
Где путник всё ещё не схвачен бездорожьем, —
Легко мешает он язычество с безбожьем,
А солнечный Олимп — с вольтеровым подножьем,
Как воду и вино... И в идолах досель
Ещё равны ему Гудон и Пракситель,

Вольтер — и светлый Феб; не видит он вражды их, —
Взращённых, мнится, в родственных стихиях;
И то! — ведь лиственный един над ними свод:
За небожителя и леший тут сойдёт.

А ты, — доверчивый сын творческого Жара,
Поклонник идолов от мала и до стара,
Вестимо, знамо, ты «язычник» не всерьёз!
Но блеск античных снов,
Но пир счастливых грёз,
Безверия в душе твоей смягчив удары,
Замаскирует лик надвинувшейся кары,
Не даст отпутаться от многих тонких пут...
И этот каменный потатчик — тут как тут:
Рад яды расточать и старческие чары
И жёлчный смех мешать с аккордами кифары, —
Как будто и его в Элладе с мёдом ждуть!
И просят у него, почти как снисхожденья,
Немного уксусу для целей возрожденья!
Стой, пиротехник зла и учредитель смут, —
Богов не тронь! в тебе они ВТРОЙНЕ умрут!
Дела твои — не загляденье;
— Вот, — прокричит людской, хотя и поздний, суд, —
Вот верх паденья! Низ паденья!

...А годы мчатся вскачь.
Вопросы есть? О, есть!
И нечисть, как всегда, их за народ решает.
И век не устаёт умам тенёта плесть.
А для инспекции — видочков приглашает...
Что духу времени твоё вино с водой?
Гляди, — ещё не то ещё не с тем смешает
Сей ветренник полуседой!..

А что же, мсьё Вольтер, твой первый ученик?
Ты упустил его, «единственный старик».
Держись! Тебе ещё увидеть остаётся,
Как (словно брезгая достичь твоих седин)
На чернорецкий снег
Падёт ХРИСТИАНИН.
И ХРИСТИАНСКАЯ из раны кровь прольётся.

Август 1996

СТАНСЫ

Хвала великой прозябательной
Способности журденских масс!
Но их натуры занимательной
Я не поклонница как раз.

Я не ищу амёбной участи.
Дожить хотела бы и я,
Но не благодаря ЖИВУЧЕСТИ,
А СТОЙКОСТИ благодаря.

Я не желаю быть комическим
Всекоммунальным существом
Из тех, что жизнь берут КОЛИЧЕСТВОМ,
А думают, что... БОЖЕСТВОМ!

Им не понять (в горячке ловчества),
Что большинство не божество
И что надышанность сообщества
Не есть — возвышенность его.

Ты помнишь, как в икру лягушечью
Филистер гофмановский влип?
Тебе бы всё — смешки, игрушечки,
А человек пропал! Погиб!

Хоть отряхнулся он, как водится,
Вернулся к жизни и труду, —
Я ни к труду, ни к безработице
За этим типом не пойду.

Не принесут мне утешения
Ни вавилонское смешение,
Ни кухонный переполох.
Количественные решения
Не для поэта, — видит Бог!

Количественное клокочество
Несёт войну, разбой, недуг...
Кто отвергает одиночество,
Тот и для общества — не друг.

Хвала могучей, прозябательной
Непотопляемости стай,
Но с их сплочённостью ласкательной
Совпасть мне, Господи, не дай!

Чем в общей бочке быть спасённою,
Втереться сельдью меж сельдей, —
Быть лучше — ветром унесённою
От времени и от людей.

18-19 июля 1996

ПАМЯТИ ЯНИНЫ ДЕГУТИТЕ*

Распахнувшая пурпур свой,
Вновь болезненно сжала
Лепестки с морозной росой
Чаша розы. Держава,

На багор навалясь, бросив рупор,
Ту страну оттолкнула,
Где до времени роза пурпур
На ветру распахнула.

Погляди! — Литва отплывает
На отколотой льдине
С тихой женщиной посередине,
Той, каких не бывает!

Её дело — стихов её свитки.
Её имя — Янина.
Скрип её заповедной калитки —
Словно звон пианино!

Погляди: под ноябрьскою тучей
В океан, полагаясь на случай,
Вильнюс мчит с ускореньем!
Сообщая холодный, горячий,
Водяной вкус — кореньям;

---

* Янина Дегутите — классик современной литовской поэзии.

Всем кореньям, куреньям, соленьям,
Спящим в каждой квартире
(Дух крысиной кладовки
С оленьим
Силуэтом на сыре).

Дух невольничьих трюмов (где трюфли
Не растут) — колоссален!
Стенки трюмные влагой набухли...
Но и льдины уж нет... Пересядем

Под обноски снастей не поющих,
Парусов не надутых...
Мчат пловцы промеж бурь вопиющих
В те края, где не ждут их.

В неисправных бесправных просторах
Ничего им не светит.
Трюмных крыс, на предательство скорых,
Там, как родичей, встретят.

Но не нужен там яшень карминовый,
Серых башен камень наследный;
Там не надобны: ни соловьиный
Саломеи напев, ни Янины
Стих последний и хрип последний.

1990 и ноябрь, декабрь 2000

КЛЮЧНИЦА ВОДНЫХ КЛЮЧЕЙ

Порой, благоразумия бразды
Вдруг выронив и вспомнив про невзгоду,
Я о тебе, — утратившем свободу
Жизнь созерцать, — грущу на все лады.

Но трясогузки — видывал и ты
Полёт, как бы ныряющий в природу,
И даже там, где близко нет воды, —
Как будто окунающийся в воду!

Над стареньким сараем, над кустов
Цветением, барашковым и шквальным,
Она — своим порханием хрустальным —
Ключей предполагаемых — штук сто
Разметила трепещущим пунктиром,
Свернула план — и — упорхнула с миром.

21-25 августа 1997

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Так что ж естественно? Пороки?
Страсть? Невоспитанные дети?
Не знаю. А по мне — искусство
Естественней всего на свете,

Поскольку суть Искусства — радость.
А человек — по всем приметам —
Как раз для радости родился.
Но попросту... забыл об этом.

1970-е

ЧЕРЁМУХОВЫЙ ВЕЧЕР

...Как будто исчезли. И снова
Возникли на повороте...
А вот обронили два слова
О жалости к дикой природе...
Но всё-таки, так или этак,
Сломали по несколько веток...

Диск солнца спускается в зелень,
Малиновой дымкой повитый.
Деревья собой помрачнели,
И в воздухе жук басовитый
Летает, как эльф... Но, пожалуй,
Эльф опытный, эльф возмужалый!

А люди, — как духи на взлёте, —
Тропинками белыми бродят.
Но мысли о сне, о дремоте
И в голову им не приходят!
И даже сюжеты из быта
Звучат в их устах — не избито.

Черёмухи рыхлые хлопья
О снеге напоминают,
Но только дыханьем;

лишь только

Благоуханием — т а ю т .
И сладостно таянье это
В истоке душистого лета.

Задерживаются на платьях,
На шляпах соломенных — грозди,
Но думать силком удержать их
В пространстве и времени — бросьте!
Цветы не бывают иными.
И что ты поделаешь с ними?

9 августа 1998

***

Там, где опавшей листвы позолота
Ропщет устало, —
Мысль моя! Зимних «заготов» забота, —
Где ты витала?

В царстве не дольных, но горних кладовок,
В мире ИНЫХ, — не земных, — заготовок,
Нужных зимовью;
Там, где кумиры становятся в позы,
Там, где в садах распускаются розы
С грустью, с любовью...

Там, где окно отворяется рядом
С облаком серым,
Посланным — маленькой девушке — на дом
С ветром-курьером;

Там, где бочонок, бутылка, шкатулка.
Там, где скалистую даль переулка
Видишь под вечер,
Укомплектованную облаками,
Как полу-вспоротыми тюками
Шерсти овечьей.

Я улетала туда, где над рощей
Замок зубчатый.
Где Красоты, Благородства и Мощи
Край непочатый!

Там виноград загрузжали в корзины;
Мулы, ослы их несли из низины
До перевала...

Но в зарисовках застряв карандашных,
Я о любимых моих, о домашних —
Позабывала...

Где я витала? (Где нынче витаю —
Тоже не знаю).
Только и знаю, что с каждой весной
Передо мною

Мама, сестра! И скамейка в жасмине.
Облик отцовский!.. О! — встретиться
с ними!!!

И за отрогом
С поздним раскаяньем дочери блудной
Снова прибегнуть к их помощи чудной!
Там — перед Богом
В новые краски одевшись и в ритмы,
Вспомним прошедшее... И говорить мы
Будем — о многом.

24,25 апреля 2001

ВОСПОМИНАНИЕ

Мама, помнишь тот сад полночный
И черёмухи свет непрочный?
Зной стоял. До утра мы не спали —
Всё полынь молодую искали.

У соседки в горшках петунии
Огневели в воздухе мёртвом.
Всем казалось, что мы — колдуньи
И ночами — скотину портим!

Но не портили мы скотину
Ни рогатую, ни безрогу;
Это ветер путал картину, —
Пел в берёзах... Звал нас в дорогу —

По верховному соизволению
Той весенней ночи высокой, —
Недоступной закабаленью,
Беспокойной и одинокой.

ИСПОВЕДЬ «МИМОЗЫ»

Кто верит, что я «ничего не видала,
От подлинной жизни в отрыве», —
Не знает,
Что я далеко забредала
И видала почки на иве.

Я видала снег, облепивший полозья,
И зелень рассады под градом.
И то, как, набычась, мотает предгрозье
Цветами, растущими рядом.

Я видала:
На дождевом бездорожье,
Где нет на рябинах коралла,
Неверная почва пружинит, как дрожжи,
А верной — становится мало.

Я видала, как собеседник лукавит —
По холоду глаз его. Эка! —
Я видала даже, как многие травят
Всю жизнь — одного человека!

«Мимозой тепличной» молва окрестила
Меня. А не в той ли «теплице»
Я видала, как замерзают чернила?
Как пишешь, надев рукавицы?

В стихах моих оранжерейность искали.
Не в этой ли «оранжерее»,
В промёрзлых углах расцветая,
сверкали
Из снега и льда орхидеи?

Что видела я, чтобы хвастать так яро?
Каких-то семьсот ограблений,
Две с лишком войны, единицу пожара
Да несколько штук выселений.

Я видела:
С неба снежинки слетали
На вышвырнутые пожитки...
Помилуйте!
Это ЖИТЬЯ не видали.
А ЖИЗНЬ мы видали. В избытке!

И прописи школьные в глаз мне не суйте,
Её восхваляя суровость.
Ступайте к другим и другим указуйте.
А нам — и диктанты не в новость.

ЛИЧНОСТЬ ПОД ТЕНТОМ

Личность под тентом,
В качалке, с курортной газетой,
Мне намекнула, что стих мой
«от жизни оторван».
Я удивилась! Задумалась я:
от которой

Жизни меня оторвали?
От той или этой?

Перебирая в уме всевозможные темы
(И, как всегда, надрываясь
под жизненной ношей),
Я догадалась:
От жизни оторваны — ВСЕ МЫ!
Только ведь кто — от плохой,
А ведь кто — от хорошей...

1984

ПРИРОДА ПОЭЗИИ

Я в поэзию
Пришла по лезвию.
И открылась мне Гора священная.
В современность гонит мир — поэзию,
Но она ВСЕГДА — несовременная.

Приглядишься к Олимпу: н а с т о я щ е е
Для него — яйца не стоит выеденного,
Ибо он — планида, состоящая
Из Воспоминанья и Предвидения.

2 марта 1963

ПОСВЯЩЕНИЕ

Певец растленья маленьких детей!
Накальватель бабочек на спицу!
В курортной романистике твоей
Я чую грифа! Зрю гиену-псицу!

А кто тебе сказал, что ты звезда?
Да; иногда бывает гений грубым,
Но смачным — никогда. Но красногубым,
Но масляным, но хищным — никогда.

Вернулся к нам, однако ж, Мезозой.
И где бы он тебе ни кинул «Здравствуй», —
Уж из камней выглядывает глаз твой
Под крокодилей чувственной слезой!

И уж ходить не надо за экватор,
Чтобы с тобой столкнуться, аллигатор!

Июль 1999

ДЯДЕНЬКА СТАВРОГИН

Тот автор, что Ставрогина Николу
Нам вывел как растлителя детей,
Жаль, не видал сегодняшнюю Школу,
Не посетил Детсадик наших дней,

Не сведал, что таких, как он, людей
Наивных — мятежу и произволу
Теперь каюк! И книжечку весёлу —
Порно-Букварь со множеством статей

И снимков для дошкольного показу,
Жаль, не листал! Не то смекнул бы сразу,
Что понапрасну «Бесов» создал он,

Что их взяла! И что его Ставрогин
Не цепью волчьей клацает в остроге,
А... в педагоги днесь произведён!

1989

РОДИНА

Лёд на берёзе подтаял чуток, —
Мшистая тень подо льдом.
Смотрится в пасмурный снежный поток
Наш покосившийся дом.

О золотые родные места!
В том подмосковном лесу
Не в переводе, а прямо с листа
Я прочитала весну...

Сслана к соснам велением судьбы,
К листьям берёз молодым,
Я полюбила большие дубы,
Ветер, фиалки и дым...

В сумерках серых опилки красны.
Быстро просохшие вдруг,
Щепочки светятся... Ветер весны
Рвёт медуницу из рук...

Вечер. Черёмухи выход немой.
В воздухе — с гулом — жуки.
Белые платья... Внакид — пиджаки.
Смех под гармонь...
А зимой —

Снег, перевитый на выюжной юле,
Кровь леденящий мороз,
Толпы молящихся в солнечной мгле,
Бьющих поклоны берёз;

Их ностальгически-нежный хрусталь,
Как бы нездешний уже! —
Коего, — словно отъехавшей, — жаль
Даже оседлой душе...

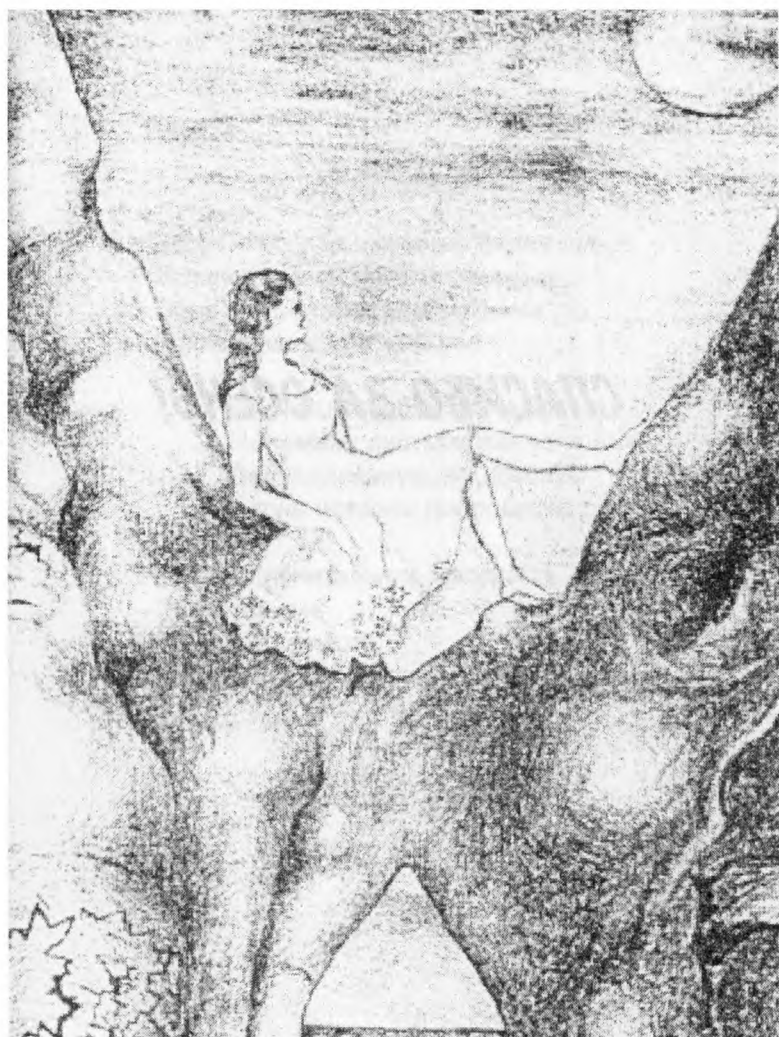
Дней протекал несжимаемый круг.
К нам не цеплялись никак
От новолуний — опущенность рук,
От полнолуний — тоска.

Разве бывали «магнитные дни»?
Что мне могло помешать
Складывать песни? Садиться на пни?
Воздухом вольным дышать?

Кольцами в омут закат уходил,
Месяцем падал на дно...
Век (не «магнитный», не «лунный») щадил
Старых и малых — равно.

Так отчего же — безумью подстать —
Всё исказилось вдруг?
Знать, не положено людям роптать;
Бурю подкармливать,
Жар нагнетать,
Плакать
И рваться за круг.

18, 21 декабря 1997

✓
СПАСИБО ЗА ОСЕНЬ!

ЖАСМИН

Когда — вослед цветенью истинному —
Являлся вязкий летний сплин,
Обрезки света между листьями
Я принимала... за жасмин!

Чьи чашки белые зубчатые,
На тёмных листьях отпечатанные,
Ведут слиянную, не дробную
Весны историю подробную

И льют пленительную матовость,
Загадочность
И аромата власть,
Господству деспотов подобную!

25 июля 1999

КУВШИНКА

Все цветы — на первый слух — молчат:
Там, в лесу, и дальше, за ручьём...
Все цветы — на первый слух — молчат,
Если их не спросишь ни о чём.

Да. Но ветер, пчёлы и роса,
Чуть касаясь их раскрытых ртов,
Кажется, любые голоса
Могут сделать голосом цветов.

Но кувшинка — молчаливей всех.
Сколько ни стою на берегу, —
Но кувшинка — молчаливей всех;
Я её услышать не могу!

Горло ль ей сдавила глубина?
Тайна ль тайн под ней погребена?
Но кувшинка молчаливей всех;
Все поют, — молчит она одна.

Я плутала у тяжёлых вод,
Я старалась к ней найти подход, —
Всё напрасно! Полчище болот,
Как на грех, кувшинку стережёт.

Полчище болот-бородачей,
Скопище чудовищных ночей,
Сонмы сов, бессонных, как на грех...
О! — кувшинка — молчаливей всех!

ПОТОК

Мне поворот потока дивен,
Где отраженья дышат хором,
Где в ивах — каждый вывих виден
С почти толмаческим повтором, —

Запечатляется в котором,
Незавершённо-монолитен,
Давно знаком, да необыден, —
Их ствол с порывистым узором.

Пусть больше нет в душе исканья
За далью — новых расстояний,
Но цел мосток для полосканья
Белья... Для просто так — стояний;

Он опирается на брёвна,
Он... успокаивает словно!

Сентябрь 1999

ОВСЯНЫЕ ГУСЛИ*Ивану Киуру***I
ОВЁС**

Становится серебряным уже
И сизым (близок, — а с оттенком дали!)
Подобно отражению в ноже
Из нержавеющей лучистой стали,

Седо-лазурный с краю; по меже —
Воздушно-синий, слопавший детали,
Как зеркало из молнийной эмали,
В чей мягкий блеск — не телу, а душе

Глядеться только, — зреющий овёс,
Зелёным молоком душистых гроз
Насыщенный. Но глянь-ка! За канавой

Твой шмель мелькает в чаше вековой!
Там вьётся хмель и дышит летней славой
Высокий колокольчик вечевой.

1970-е и 12 сентября 1997

**II
ПОПУТЧИКИ ОВСА**

В луче — аквамарин, как под линзой,
В тени — как голубое молоко,
Не связанный с драчливцем и подлизой —
Слепящим сорняковым рококо,

Осуществляет он свой шёпот звонкий.
Лишь — мессершмиттом — свалится оса
В серебряное курево овса,
Да муравей протопает сторонкой,

Да василёк индиговый (синей
Всего, что синей!) из седых корней
Вдруг прорастёт, — запутавшись, однако,

В лучистых стеблях, — потому: как раз
Неизобилен у святого злака
Навязчивых попутчиков запас.

III

***

*Синюю песню подснежника
Жаворонок озеленил.
Иван Киуру. «Ода жаворонку»*

Тем красочнее музыка, чем строже
Звук выверен, доходчивости для,
Чем реже краски, тем они дороже
Овсяным далям пасмурного дня.

Но «инструмент» овса не обесструнен:
На что ему горячий тон трясин?
На солнце он, как лунный камень, лунен,
А к сумеркам — свою синюю синь.

Но, радугами дым овса осыпав,
Кто там журчит? Кто (вечный тип из типов)
Из чаши, запрокидываясь, пьёт?

Живое божество или пичуга?
То жаворонок — маленький пьянчуга,
А чаша ему — целый небосвод!

21 октября 1998

ПОЛЁТ ЛЕТНИХ ДНЕЙ

*Мир полей всегда мне снился населённым,
И не верю я, что стал он неживым.*

Иван Киуру

Что маленькое солнце
                                собой напоминает
Подсолнух, — каждый знает!
                                Хотя не каждый знает,
Что маленькое солнце
                                подвержено затмению;
Когда лучи свободны,
                                а диск — окутан тенью.

Я отродясь ленива;
                                так мало успеваю...
Я даже не на каждом
                                затмении бываю!
Отнюдь не вся планета
                                достойно мной воспета,
Но *маленькою жизнью*
                                я называю лето.

Лето 1978

ЭККЕРМАНУ

Когда бы, Эккерман, для лучезарной чести
Сквозь время прошагать с бессмертным Гёте вместе
Явились бы не Вы, а кто-нибудь другой,
(Сравнимый мелкостью с подсолнечной лузгой!);
Когда б на свой Олимп — на Веймара высоты
Не Вас — кого-нибудь другого поднял Гёте
В друзья, в советчики свои под старость лет, —
Донёс ли бы другой до нас живые речи,
Остроты старика? Гнев? Смех его при встрече?
Находки для стихов? Догадки? Притчи? Нет.

Вы! Только *Вы* один достойны были чести,
Какой не вынес бы никто на Вашем месте;
Другой бы осмелял великие черты,
От зависти ослеп, от гордости взбесился,
В соавторы к творцу (посмертно) напросился
Иль просто выкрал бы священные листы.
По нашим временам сужу. Ах, не по вашим!
Их не вернуть. А ты, о муза, ты воздашь им
Простое должное? Иль, уж теперь, как все,
Забудешь облаков божественные лики,
Германских ясных утр на красных креслах блики
И ночь? И лес дриад? — весь в звёздах, весь в росе!..

Я книгу распахну, как с музыкой шкатулку,
Чтоб Вашу с ним найти в ней дальнюю прогулку;
(О, здесь не упустить так важно — ничего!)
Его больших шагов тяжёлую крылатость,
И Ваших добрых глаз чуть-чуть подслеповатость,
И то, как слушали Вы жадно речь его!

...Он ВСЁ обожествлял. (Жука не обезбожил!)
Он Вам показывал места, где юность прожил,
Стол, где работал он, и, в землю врытый, стул...
Весна ещё едва курилась, неодета.
И столько тишины скопилось в рощах света,
Что Гёте произнёс: «Должно быть, Пан уснул».

1989

АННЕТА

Составив стихи про Аннету
В разрезе старинных искусств,
В себя заглянул он: ан — нету
К Аннете в нём пламенных чувств.

Бежал не к лесам-водопадам,
Чтоб юную ревность излить,
А к нимфам бежал и дриадам,
Чтоб мучить Аннету и злить.

Простила она? Не простила?
Но к ней на порог наконец
Другое лицо зачастило.
И рад был трактирщик-отец...

Простая история эта
Довольно короткой была:
Большому поэту
Аннета
Другое лицо предпочла.

— Скажите, друзья-незабудки,
Вернутся ли старые дни?
— По нашему мнению, — дудки!
Не жди! — отрубили они.

— Скажите вы мне, маргаритки:
В чём тайна и чья тут вина?
— Не длите бессмысленной пытки:
Вас больше не любит она.

Так, может быть, счастья излишку
Не стоило вызов бросать?
Быть может, не стоило
Книжку
Стихов — про Аннету писать?

Рай, верно, прохладен. Ад — душен.
Испытан и выстрадан стих.
А строчки — подобье отдушин.
Но жизнь улетает сквозь них.

8 июля 1998

НЕМНОГОСТИШИЯ
на непоявление
РОМАНОВ ЖАН-ПОЛЯ

1.

Не спрашивай по интернету
Про то, чего на свете нету;
Сам видишь: нет ни книг Жан-Поля,
Ни лиц, причастных к их запрету!

2.

На непоявление романа «Геспер»
Его не то чтоб запретили,
А просто не переводили
На русский никогда. А это
Страшнее всякого запрета!

3.

На непоявление романа «Фикслейн»
«Фикслейна» мы бы читать могли.
Но переводчик взял, да и...
Чтоб горше стало и кислей нам, —
Не зафиксировал «Фикслейна»!

4.

На непоявление романа «Титан»
«Титана» Драйзера — знавали
И широко над ним зевали...
Но был «Титан» и у Жан-Поля;
Где он пропал? В каком завале?

5.

На непоявление романа «Невидимая ложа»

И, как есть «невидимые ложи»,
Книги есть, невидимые тоже.
Слух об них идёт. Но слухов — мало;
У г л я д е т ь их — помоги нам Боже!

6.

А был ли, собственно, запрет?
Не знаю. Но ведь в чём секрет? —
Из-под запрета — выйти можно,
Из-под замалчиванья — нет.

7.

Явление «Зибенкэза»

И только славный «Зибенкэз»
В реке забвенья не исчез:
Он означает «Воскресенье»,
И он действительно — воскрес!

Осень 2000

ЛИКИ ЛЬДА

Как зима беспредельна!
У льда одного — сколько ликов!
Кувyrкающихся,
Составляющихся
Из бликов,
Задирающих бровь, недовольных, зелёных, грозящих,
Пропускающих свет и скольжение лучей тормозящих...

С убегающим взглядом, вертящихся, как на шарнирах,
Акварельных, игрушечных, радужных,
линзообразных...

Сколько ликов и видов!
То сыростью нежных и сырых,
То по-царски алмазных, то нищенски-бедных
и грязных...

Пушки солнца палят. Разрываются блеска снаряды.
Поднимаются в воздух сверканья лежалого склады,
И лучей арсеналы взрываются. Но молчаливы,
Но безмолвны, беззвучны, безгласны их залпы и взрывы...

Сколько ликов у льда!
Он подобен, вертась перед вами,
Отражению в ложке, в зрачке, в колесе, в самоваре.
Но его отражения — сжатей, подавленной, глуше:
Будто издали, искоса в зеркало смотрятся души,
Подойти не решаясь и честно в стекло поглядеться;

Чтобы глянуть прямее, им надобно долго вертеться,
Приспосабливаясь, пристраиваясь, переминаясь,
Уменьшаясь, кончаясь, вытягиваясь... Начинаясь
От другого конца... И, как зонт осьминога, сминаясь...

Ну а что, если вдруг остановится скользкая рама?
И фантомы зимы подойдут и посмотрятся прямо?
И откроешь, дрожа, что и вечность не беспредельна?
Я люблю эту даль. Я боюсь этой дали смертельно!

Сколько ликов у льда!
Он бывает пустым, облежённным,
Серым, сетчатым, перистым, мокрым, весенним, сечённым,
Чёрным, пильчатым, ржавым, дыханьем тепла омрачённым,
Мутным,
Грозным,
Слепым...
С чем-то красным, внутри запечённым...

В поздних сумерках бурая льдина гнетёт, беспокоя:
Что за душная тень угнездилась в холодном
и светлом?!
Как растает, — вернуться, взглядеться, узнать:
что такое...
Может статься, весной наваждение развеется с ветром?

Но всегда по весне забываешь о каверзной льдине,
И скорей чем о льдине, о тени в её середине,
И скорей чем о тени, о месте, где, словно с пожара
Головня ~~Ш~~ ^Шловостеклённая, — странная льдина лежала...

О зиме без конца, о тоске без конца и начала
И о всей многоликости льда...

1968

мой

ГНОМЫ

Если лампа дрожит,
Если поздно, темно,
Если вихри дождя сотрясают окно
И дорога зовёт — в шум весны, в тайну тьмы, —
Это гномы зовут: «Это мы! Это мы!»

Если тает — винтами — дорога вдали,
А стекло фонаря дребезжит: — Ти-лин-ли —
Тонкой песенкой, жалобой... И, бестолков,
Так и рвётся в огонь рой ночных мотыльков,
И растут между махоньких крыльев шумы, —
Это гномы снуют: «Это мы! Это мы!»

И когда... мотыльков ты пугаешься вдруг
И кольцо фонаря выпускаешь из рук;
И когда их теней исполинский размах
Широко обдувает леса на холмах,
Как гроза!.. И внезапный душистый порыв
Налетит — не сердит, но фонарь — потушив,
И посыплется всплески лесной кутерьмы, —
Это гномы шалят: «Это мы! Это мы!»

Если, силясь вогнать малодушного в страх,
Зарокочут вельможно потоки в горах,
Да и ливни, разверзнув небесную хлябь,
Восклокочут, — но путникам ночь не страшна,
И поля их широких надвинутых шляп
Лепестками цветов замедает весна;
И спешит человек, и не ведает он,
Что, откинутый, полон цветов капюшон, —
(Да не ведать вам, странники, ноши иной,
Да не чуют вам груза невзгод за спиной, —
Ни крыла, ни горба, ни бродяжьей сумы!) —
Это гномы чудят: «Это мы! Это мы!»

Если в рощах зима распластается вдруг,
Если — с вывертом — выпадет книга из рук
И разляжется оцепенения штиль, —
Кто тайком подправляет у лампы фитиль?
Кто проносится в полночь на вихрях верхом?
Кто стекло расшивает серебряным мхом?
Кто во снах будоражит людские умы?
Это гномы опять! « — Это мы! Это мы!
Это мы!..»

1950-е

ШЕЛКОУСЫ

В лесу, в бору,
    где тропинка шла, да исчезла,
Где пни — со спинками, как трухлявые кресла,
Где хвоя скользкая под ногою пружинит,
Где вдруг... уверенность тайно тебя покинет,
Там редко-редко в глуши забелеет ландыш
(В чепчиках весь отглаженных — нидерландыш!)
Зато
Под сводами сосен
Куда как чаще
Там попадаются полянки не без кислинки
В каких-то мягких и легкоусых
    белых цветочках-точках,
На ресницах травы дрожащих,
Как снежинки.

Шум ветра по лесным верхам — и взгляд мой
    на «хоры»;
Кто мелочь эту просыпал сюда?
Где воры, которые
Уволокли остальное?
С какого ломтя — эти крошки на ножках зноя?
Мелкие, как чиханья в глазу щекотка,
Как соловьиного табаку
Рассеянная щепотка...
Я назвала бы их: Шелкоусы или... Паучьи
    Шпоры.

(Где вы, — очки паучи, —
Их разглядеть получше?)
Цветки-снежинки,
Цветки-порошинки
В траве, у корней,
Где ни лучика...

Ну да! — они почти существуют,
но вызывают сомненья...
(Может быть, я и вижу-то их
только по недосмотру?)
И не относятся ли к такому
очно-заочному сорту
Искры из глаз от голода и утомленья?

Ах, Соловиный Табак, Шелкоусы, Паучьи Шпоры!
Вы бы могли казуистов питать
сверхотвлечённые споры!
И зрячий не зряч, коли видит он
Не всё, не вдруг и не сразу.
И слепой не слеп, коли сделал свет
Поблажку слепому глазу.

Будь вы невидимы до конца, — тут завершённости
была бы,
Но и как зримое вы неполны и как незримое —
слабы!

Сделка меж воздухом — вы — холостым
И материи очной ставкой,
Между запутанным и простым,
Между цветком и травкой;

Сделка меж холодом — вы — и теплом,
Эфиром и нажимом;
Меж закопчённым полустеклом
И зрелищем незримым.

...Нисходит ночь.
И гонит, и клонит
Вершину вслед за вершиной...
И вот — Шелкоусы, Паучьи Шпоры, Лесной Табак
Соловьиный
Подслеповато глядят оттуда, где низко
и мелколисто,
И свежесть ночи
Бог весть какую
Меня достаёт тоскою,
В которой нет почему-то сегодня
Пытливости натуралиста.

Лето 1976

У МОСТА

День сложился из каких-то бледных
Удержанных улыбок.
Под мостом, на дне желто-зелёном —
Мельканье серых рыбок...

Серые, с глазами золотыми.
Вторые по значенью?
(Золотые, с красными глазами —
Далече по теченью)...

Но непризнанные мне милее.
Не дам я их в обиду!
Я сама всегда носила платья
Неяркие по виду.

Видя свет, — кто жаловаться
смеет

На цвета недоимку?
Даже солнце дружелюбней греет,
Когда оно — сквозь дымку.

Воцарилась в городе сусальность,
Стеклярусная сусмесь;
Чья-то сальность лезет в колоссальность...
Зато у солнца — вкус есть.

Осень клёнов кажется краснее
Над с и з ы м и тенями.
Переливы клевера — цветнее,
Когда они — в тумане.

Я не против яркости восстала;
Все цветы мне снова станут лубы,
Если Время скинет с пьедестала
Тех, кто злы и грубы!

14 февраля 2001

ПОЧЕМУ?

Почему нашу радость угасшую,
Подхватив, засветили другие?
Почему у них радость — у нас же —
Угрожающая эйфория?
Почему?

Мы привыкли бояться явления
Продолжительного оживления
И, как тать в продырявленной шляпке,
Убегать от удачной покупки —
Почему?

Подозрительна радость подарка,
От которой становится жарко.
А звенящее счастьем событие,
Как трясину, должна обходить я...
Почему?

К метерлинковским Тучным Блаженствам
Отнеся удовольствия чьи-то,
Радость наша красна джентльменством,
Но оно ей никак не защита.
Почему?

Почему она так суеверна,
Словно в ней-то и прячется скверна?
И сама себя карой страшит,
И себе пустяков не прощает —
Почему?

Мысль довольством своим недовольна.
Только счастье трудов ей не больно;
Только радость работы серьёзной
Почему-то не выглядит грозной,
Почему?

Кто украл нашу радость угасшую
Под предлогом, что «зла» и «порочна»?
Вот у них-то и радость! У нас же —
Горстка страхов, не названных точно...
Почему?

1 и 6 января 1999

СОЛНЕЧНЫЙ КИРПИЧ

Что взять с собой? Не декаданс. Не китч.
Но — заложить за окоёмом где-то
Том с «Пиквиком», — как солнечный кирпич
В фундамент начинавшегося лета!

Но... — и солить солидно, и перчить
(ПЕРЕЧИТЬ вроде как — в ответ на это)
Стал мне июнь! От своего расцвета —
Ц в е т к а не дав задаром получить!

Мне злая память не давала шага
Ступить без затаённого нытья!..
Но в августе — вернулся кот-бродяга;
К ненастьям — исцеляться стала я,
Дабы к морозцам, первым на неделе,
Заснуть над книгой — в дивном Дингли-Делле.

25 сентября 1999

СОЗВЕЗДИЕ «ВЕСОВ»

Как вас найти , опёнки, — пенки пней?
(Опёнки — сливки пней — ещё точнее).
Переступила бы рутину дней,
Да летние подмётки — всё тончее.

И чем на листьях краски горячее,
Тем почва под ногами холодней...
О! — мне до ваших рыжих куреней
Теперь — как дервишу до казначея!

Зато друзья из Муромских лесов
Преподнесли мне связку октябрин!
Зато мой кот поймал воровку серу!

Мятежный дух порою нетерпим.
А кто вернёт мне Взвешенность и Меру?
Взойди же, о Созвездие Весов!

14, 15 сентября 1999

УЛАВЛИВАЮ...

Хоть и не вижу я нигде опёнков
(Способных скрасить угнетённость пней),
Но свет и свежесть их дыханий тонких
Улавливаю в сутолоке дней.

И вижу, встав ни свет и ни заря,
Как на древесном корне говорушки
Столпились для какой-то заварушки,
Но сговорились не браниться зря

И не менять довольство на каприз,
А лучше чаю заварить! Заварка
В кленовых листьях выражена жарко,
Спускающихся тихо с ветки вниз
И выгнутых, как чаши... В гневах каясь,
Дуй на росу и пей, не обжигаясь!

25 сентября 1999

***

Как художник взбешён! —
дыбом волосы, ворот распахнут...
— Кто сказал, — он кричит, —
кто сказал, что тюльпаны не пахнут?
Утвержденье подобное вздорно, бездарно,
безбожно!
Можно пахнуть НИЧЕМ. Но не пахнуть ничем —
невозможно.

1959

НОЧЬ

Тропинка травянистая. А там, за первым пнём —
Корней древесных много ли? О, более, чем днём!
Сумбур ветвей — системой сплошных светопомех.
И выступления совы — художественный смех.

Кто я перед тобою, ночь?
Кто я — перед совой
Твоею? Только человек. К тому же — сам не свой!
О, в этих рощах надо мной хозяин — каждый звук!
Но возникает ветерок — и страх проходит вдруг.

Спит небо за деревьями в послевечерний час,
Спит стоя, но не двигаясь и не смыкая глаз;
Косящих звёзд серебряный дозор зеленоват...
Все спят. Никто не сердится. Никто не виноват.

Сентябрь 1993, июнь 1999

ФОРЕЛЬ

Рыба,
прыгающая вперёд,
Взлетающая из текучих вод...
Пускай серебряную форель
Моя свирель
Воспоёт.

Нам позволяющая сыскать
Воду неслыханной чистоты, —
Ты перепрыгиваешь каскад,
Ты перескакиваешь мосты, —
Форель, форель!

Что не покажешься передо мной?
Что не сверкнёшь мне подводным огнём?
Светлая, с шахматною спиной,
Рыба над зеленокаменным дном, —
Форель, форель?

Есть на лесистых подъямах ручей —
Лесенками — поперёк пути...
Скуку вседневных забыв мелочей,
Как нам хотелось его перейти! —
По жёлтым камням,
В зелёный туман,
А там... Не твои ли открылись бы нам
Потоки? Форель, форель...

Кому-то — каюта, маршрут, акварель,
Неаполь — («увидеть и умереть»)...
А нам бы — отечественную узреть
Наездницу водопада — форель,
Форель...

Но, до ручья добредая не раз,
Мы за ручьём — не бывали досель:
К вечеру сил сокращался запас.
Времени всё не бывало у нас,
Форель, форель.

И недоступной прекрасной мечтой
Сделался для очарованных глаз
Твой на стремнинах серебряный пляс,
Форель, форель!

И неприступной прекрасной мечтой
Воды — с неслыханной их чистотой, —
Стали для нас. И не только для нас...
Где эти воды, форель?

1980-е

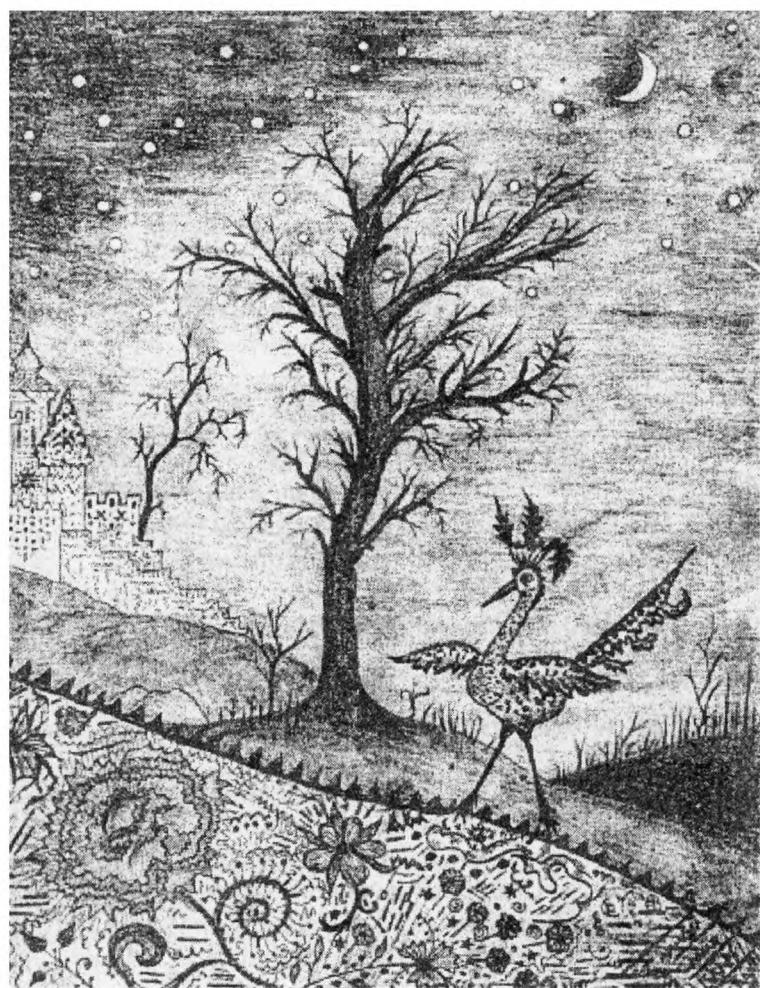

Весна уязвима. У красного лета
И недруги есть и завистники где-то...
Спасибо за осень! — за то,
Чего не отнимет никто.

Спасибо за осень с кудрявой травой.
За греющий свет кирпичей под листвою.
За строчку из «Аннабель Ли».
За солнце у края земли.

За первые звёзды, зеркально-гранёны.
За ветер... За ясеня лист обронённый...
За то, что минуту вернуть
Нельзя. А вернув, — обмануть
Нельзя. Спасибо за осень!

1974, 2000

VI
ΠΡΟΣΠΕΡΟ

Действие пьесы Шекспира «Буря» происходит в Южной Америке. Судьба это или случай, что два столетия спустя после кончины Шекспира — именно а м е р и к а н е ц — (богатый спортсмен) первый усомнился в авторстве Поэта над его произведениями? А ведь с тех пор и пошло...

МЕСТЬ КАЛИБАНА

ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ!

Не рыцарю, не старцу-джентльмену
(Такого нет у нас ориентира), —
Кому? Американскому яхтсмену
Поверили, что «не было Шекспира»!

Яхтсмен — он что? В улыбке рот ощерить
Умеет. В бицепсах и в гонках — дока.
Но мы-то? Мы-то?! Глупо и жестоко
Не верить в Бога, а в яхтсмена — верить!

От горизонта и до горизонта
Обшарить Шар — и... не найти умнее
Себе историка! А он-то, он-то —
И есть не кто иной (дублёна шея!),
Как — тех пещер воспитанник блестящий, —
Сам Калибан! Душе Просперо — мстящий.

19 января 1999

КАЛИБАН В НАЧАЛЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Угадывалось: мир ещё увидит,
Коли витки свои не прекратит,
Что Калибан откуда-нибудь выйдет
И старому Просперо — отомстит!

Всё УЗНАВАЕМО (хотя нигде
Ещё не кажут нам боксёрской буцей —
Как мыслить; как наделать революций,
Затем — капитализмов... И т.д.)...

Жива новооткрытий атмосфера;
Жив Новый свет, где больше нет Просперо.
Где пальм зеленоватый фейерверк

Вещает нам о новом Калибане.
С кольцом в носу и золотом в кармане —
Ещё бы он Шекспира не отверг!

Январь 1999

З ректору

ЯХТСМЕН ЗАГНЁТ СЛОВЦО...

Яхтсмен загнёт словцо; словцо потрафит
И диктору, и доктору наук...
(От грубых шуток до учёных кафедр
Не так уж далеко, любезный друг!)

И, впрочем, это даже не смешно:
ШЕКСПИРОВЕДЕНЬЕ ПО КАЛИБАНУ!
Быть может, напустившим здесь туману
Ареопагом — было решено,

Что Калибан в двенадцатом колене
Поставит точку в хитром деле том?
И — не за стих о калибаньей лени,
А за НЕПОСЛУШАНИЕ ЦЕЛИКОМ,

За прямоту, за преданность натуре —
Отмстит Шекспиру — капитану «Бури»?!

Январь 1999

МЕСТЬ КАЛИБАНА

За что преследуют Шекспира?
Зачем — для золочёной черни —
Чем убедительнее лира,
Тем сам поэт — недостоверней?

Зачем, — какому-то яхтсмену
Американскому в угоду,
Что записал свой довод в в о д у,
Призвав свидетельницей — п е н у, —

В Атлантике ловить, как в Лете,
Сомненье гонщика — в Поэте?
Хотя само сомненье — мнимо:

В Шекспира верят и вампиры,
Но просто мстят ему. (Вестимо —
За то, что сами — не шекспиры).

15 февраля 2001

***

Далёкий край внутри двойной лазури.
Приметы бунта. Палубный настил.
И то, как по-пиратски отомстил
Владелец яхты капитану «Бури», —

Как странно-узнаваемо! Как странно
Всё повторилось в пальмовом «раю»!
В яхтсмене-супермене — Калибана,
В Просперо — я Шекспира узнаю...

Когда-то здесь неосторожным словом
Прекрасный гость унижил дикаря.
Столь резкий выпад, честно говоря,
Уже т о г д а казался мне суровым.

Но рушится Просперо кегельбан
И снова миром правит... Калибан!

Январь 1999

СТРАТФОРДСКИЙ ДВОЙНИК

ГОВОРЯЩИЕ ДАТЫ

Шекспир и Шакспер. Это ж ДВА ЛИЦА!
Два тѣзки. Два — почти однофамильца.
А кто-то, между нами всунув рыльце,
Перемешал их судьбы до конца.

Покуда ШАКСПЕР в страдфордских судах
Судился из-за солода в галлонах,
ШЕКСПИР блистал в театрах и салонах,
Быть может, Лондона не покидав.

Уходит ШАКСПЕР, завещая детям
Дом, а жене — «вторую койку». Но
ШЕКСПИР здоров. (Ведь только в двадцать
третьем
Друзьям его оплакать суждено)!

— А что так странен бюст и стих надгробный?
— Злых пращуров спроси, потомок злобный.

13 июня 1998

---

* «только в двадцать третьем», — обстоятельство, замеченное именно в р а г а м и Шекспира, — впрочем, сделавшими отсюда совсем иные **выводы**.

«Оборотъ»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАСЕН

Как в эпосе — не знаю. А в сонете
Не обойти проблему документов:
Приписанных в большой дали столетий
К семье Норфолков или к роду Кентов.

А мы-то — что ж? Не путались в макетах
Бумажной лжи? Не угождали в сети
(В каком-нибудь там даже Сельсовете)
Поддельных справок? Или мы в навете

Не взяли с негодующим бессильем?
Так что ж и думать о старинных плутах?
Ведь знали же: Гильермо не Уильям,
А Шакспер — не Шекспир! Но, справки спутав,

Свидетелей ушли... И приступили
(Столетье выждав), — к басням о Шекспире.

16 июля 1998

СТРАТФОРДСКИЙ ДВОЙНИК

Гильермо Шакспер (полуитальянец
И лишь наполовину англичанин),
У северян здоровый взял румянец,
Как все южане, — в сделках неустанен.

Шекспир же Вильям, на судьбу надеясь,
Покинет стены Стратфорда-кормильца
И своего (купца)-однофамильца
Переживёт, скитаясь, лет на девять.

И удивится Шакспер, умирая
(И завещав жене «вторую койку»):
Откуда у дверей такая стая
Сочувствующих, делающих стойку?
И отчего (жаль: сякнет мочь земная!)
Так хоцца им задать головомойку?!

13 октября 1998

ПУТАНИКИ

Возможно, что имя Шекспира, ещё юным отбывшего в Лондон, давно изгладилось из памяти сменяющихся властей Страдфорда, тогда как торговец Шакспер— был всегда у них на виду. Что и помогло более образованным путаникам, завистникам, наслышанным о лондонской славе Шекспира,— в их страдфордских плутнях.

Приходят к мэру, жалобно-суровы:

— Поэт Шекспир скончался от недуга!

— Скончался Шакспер? Господи! Да что вы?!

Но разве он... поэт?

Гонцы друг друга

Тихонечко — давай толкать локтями...

— Да, да! Наш Вилли был большим поэтом.

— Гильерм — поэтом?! Что же я об этом

Не слышал ничего? — Сэр, мы и сами

Не вдруг узнали; тих был, скромн Шакспер.

— Гм... Скромн? Тих? А говорят — кушак спёр...

Но если скаред был силён в науке...

— Да, сэр, да, да! И просим, как даянья,

Как снисхожденья, — чтоб (на изваянье)

Ему перо и книгу дали в руки!

13 октября 1998

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Шекспиру монумент — накладка лжи на ложь;
Ватага мстительных поддельщиков решила,
Чтоб не был до конца на Шакспера похож,
Но в чём-то был похож чуток и на Шекспира.

Заказ художнику: пускай соединит
(Вот был бы апеллес у нас — по стенгазетам!)
Пропахший солодом, знакомо-общий вид
Гильермо Шакспера — с Уильяма портретом...

Портреты гения... исчезнут! Но т о г д а
Добыть такой портрет — не стоило труда
И злую вылепить с него карикатуру;

С тетрадкой, с пером, как водится, в руках...
Чтоб смычке Золота и Солода в веках
Грядущий геродот обрадовался сдуру!

15 октября 1998

**ШЕКСПИРУ МОНУМЕНТ —
«НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА»!**

Святое место не бывает пусто:
Стоит и здесь раскрашенный кумир.
И кто-то нас ведёт к подножью бюста,
Чтоб мы вскричали: «Это не Шекспир!»

Чтобы и нам — в соседстве волн и ратуш —
Над грубым видом «Вилли» потрунить...
А мы глядим и думаем: «Ведь надо ж
Так ненавидеть, чтобы — ПОДМЕНИТЬ!»

Приглядываясь к нише и дизайну
Расцветок шалых, неправдоподобных,
Мы прозреваем страшные дела...

— Всё ясно, — мыслим мы о людях злобных, —
Никто так не выбалтывает тайну,
Как те, кем тайна сделана была.

6 ноября 1998

СОНЕТ
НА СТРАННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ
И ДАЖЕ... ОСУЖДЕНИЕ (!)
САМИХ ПОРТРЕТОВ ШЕКСПИРА

Успех картин, полёт мазков цветущих
Отнюдь не от натурщика зависит:
Халтурщиком бывает — не натурщик;
Халтурщиком бывает — живописец!

Так не пеняйте ж вы творцу «Макбета»,
Что «не похож» он на своём портрете
Сам на себя! Как знать и вообще-то,
Кто на кого похож на этом свете?

И есть ли сходство у Оригиналa
С Изображеньем, сделанным не плавно,
Коли и ВСТАРЬ не вся округа знала
Его в лицо? А нынче — и подавно?

Не каждый Портретист хорош. Однако
Сие не значит, что Натурщик — бяка.

26, 27 апреля 2001

К НЕУДАЧНЫМ ПОРТРЕТАМ ШЕКСПИРА

Уж так ли грешен портретист?
И уличать ли в нём «мазилу»,
Коли трудился, взявши кисть,
ПО ПАМЯТИ? И через силу?

Спасибо парню и за «китч»,
Когда не потрафлял зоилу,
Что, — сам вогнав Певца в могилу, —
Ему такой отгрохал «спич»:

«Пил». «Браконьерствовал». «Стяжал».
«Буянил». «Грамоте не знал»...
Но, в довершение измены,

Винить Певца и в том, что он
Неправильно... изображён!
Уж это слишком, джентльмены!

11 августа 1998

ПОРТРЕТ

Шекспиру никогда никто не благодарен.
Напротив: и за то уже в ответе он,
Что... памятник ему плохой сооружён
И что портрет, с него написанный, «бездарен».

Да разве может тот натурщик быть дурным,
Что и позировать не собирался явно?
Видать, не очень-то художники исправно
Об нём заботились и бегали за ним.

И получается, сваляли дурака!
И получается, — да здоровствует мазила,
Чья неумелая, но честная рука
Нам несравненного творца изобразила!

Ведь — как бы ни робка, — сильнейшего сильней
Кисть, не предавшая Певца — стране Теней.

28, 29 января 1999

ЯБЛОНЯ ШЕКСПИРА

I

КАКИХ ЕЩЁ СВИДЕТЕЛЬСТВ?

Кто спал под яблоней, которую потом
Селяне разнесли на щепки-сувениры?
«Кто следующий, — как спросил бы Штейн, — в Шекспиры?»,
Чтоб пусто не было на месте на святом,

Но и... святых там чтобы не было? Придиры!
Кто с кучей бражников, доподлинных притом,
Всю ночь кутил на спор, а утром клял трактиры?
Кто, крепко выспавшись на дёрне золотом

И потянувшись всласть, как выпрямленный куст,
Вдруг сочинил куплет (оставшийся в анналах)
О местностях кривых и пьянках небывалых?
(Кто «выдумал» сей стих для «выдуманных» уст?)

Кто ПЕРЕПИЛ БЫ ВСЕХ, — будь он Мечта и Сказка?
Но он был п о д л и н н ы й и... потерпел фиаско.

17 августа 1997

II НАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Нет бэконовской яблони, поверь!
И ратлендовской тоже не нашли.
Нет больше и шекспировской теперь,
Но только потому, что разнесли
На памятки! И даже корень сгнил
У старого священника в ларе!
Ты скажешь: «Это кто-то сочинил»?
Ан речь пойдёт не об одном «врале»!

Тебе придётся обвинить во лжи
С десяток тех, с кем чарочку распил
Поэт — живём! При ком стихи сложил;

Их сыновей. Их внуков. Их гостей,
Раздёргавших на миллион частей
Альков зелёный тот, где спал Шекспир.

III ПРИПОЗДНИВШИЕСЯ

Не будь захожий путник — из великих,
Кто стал бы вслед его перевозносить?
И яблоню, в чьих теньях мирно-диких
Он спал, — на талисманы разносить?

Незлюбивым и непредубеждённым,
Нормальным современникам видней, —
С КЕМ их свела простая смена дней, —
Чем плутам, ч е р е з т р и с т а л е т
рождённым!

Но их послушать, так у них в руках
История! Им кажется: чем дале
Отъехали, тем зорче увидали
Зазор на шляпке жолудя... (В веках!)

И топают ногой, полны протеста
Всеми, наблюдавшим ВО-ВРЕМЯ и С МЕСТА.
Август 1997

ИТАЛИЯ И – ДАЛЕЕ...

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ И НЕУВЯЗКА ЗА НЕУВЯЗКОЙ!

К Шекспиру мы теперь – с простой,
Как чих, придиркою. Послушай:
Твои «веронцы» скачут сушей
Там, где пристало – плыть водой!

Не изучал, видать, рельеф-с?
Не знал Италии прекрасной?
Как знал её Камзол Атласный
И «настоящий автор пьес»?

Но если Ратленд – автор пьес,
То КТО ЖЕ... в их повинен ЛЯПАХ?
Но если Ратленд на просвет
Латинян знал; без шляп и в шляпах,

То... КТО ЖЕ СПУТАЛ (вот так да!),
Где у них суша, где – вода?

21 мая 2001

ИТАЛИЯ – И ДАЛЕЕ!..

Знарок хронологических созвездий,
Великому Шекспиру глядя вслед,
Н е з н а е т — где он был с десяток лет,
Но «знает», что... в Италию не ездил!

А что, коли , надувши мудрецов,
(В года, как раз п р о п у щ е н н ы е ими)
Он побывал и в Генуе, и в Риме,
И в Падуе? Хотя, в конце концов.

Мог о Вероне знать лишь понаслышке)
Искусство! Что не входит в твой объём?
Там — личный опыт, здесь —

прозрений вспышки,
Там — сказка, здесь — история живьём,
И просто — память о чужом рассказе,
Скрывающем ошибку в каждой фразе.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

В ответ на заверения, что Шекспир якобы «не мог» самолично написать несколько итальянских фраз, потому что... — по утверждению тех же — «не бывал в Италии»!

Невежественная певичка (средний класс),
Желая расцветить репертуар простецкий, —
И та — заучит враз пять-шесть расхожих фраз
По-итальянски... По-испански... По-немецки...

И если, скажем, я задумаю рассказ,
(А лучше — водевиль) «Стамбульские невестки», —
Неужто я рвану туда, где носят фески,
Чтоб черпать реплики внутри турецких масс?

За что же Вам, о сэра, велят: свергаться с гор,
Пускаться вплавь, пешком пересекать просторы,
Чтоб ЛИЧНО выяснить (к восторгу снобьей своры),
Как произносится за Альпами — «сеньор»?

Вот ты, зоил, скажи: готов ли, с картой-планом,
Ты рифму к «щёлочи» искать за океаном?

Ноябрь 1999

**ШЕКСПИР, КАК ЧЕЛОВЕК С
ВООБРАЖЕНИЕМ...
ИЛИ
ПАДУАНСКИЙ СПИСОК**

Тазы, кувшины для прелестных рук;

.....

Венецианское шитьё, вязанье;

Из меди утварь, — всё, что надлежит

Для доброго хозяйства.

Шекспир . «Укрощение строптивой»

В его подаче падуанский быт
(Быт отстранённый, быт — не перед носом)
Порой похож на список по расспросам
И любознания дымкою повит.

В краях Буанаротти и да Винчи
Он мог не быть. Но у видалых глаз
Насчёт всего, как говорится нынче,
«Проконсультироваться» — мог не раз.

О жажда знаний, жажда всех поэтов!
Мне шелест слышен книги записной...
Мне явлен генія погожий зной
В наброске редко виденных предметов —

Рукой того, кто видеть вразумлён
Ещё и то, чего не видел он!

16 июля 1998

ИСКАЛИ НЕУЧА И... НАШЛИ!

«Всё могут короли!»! Всё могут репортёры.
И ушлый театрал. И комик неприличный.
И сиволапый сноб. И вундеркинд матёрый.
И масляный журден. И прочий сброд публичный.

«Не может ничего» — лишь первый трагик мира:
Ни молвить. Ни ступить. Ни посетить латинян.
Ни дома (ежели в невыездах повинен)
Их речь поизучать — хотя бы для блезира!

Составь ты по складам две путных строчки, что ли!
(В титанах саботаж и леность нестерпимы!)
Но в детстве он «не мог»: ни выучиться в школе,
Ни книжку полистать — вне классной дисциплины...

Сэр! В чём же Ваша мощь? Ваш блеск? неужто...
в блате?

Ан весь-то «блат» у Вас — врагов свирепых рати.

25 ноября 1999

***

Классическому гению за то, что
Вам горьких слов успел наговорить,
Не надо мстить так вязко, так дотошно;
Он говорил не с вами, может быть!

Небрежно целясь в лес или скалу,
Стрелок не чаял, дерзкие пострелы,
Что вы ему подставите под стрелы —
Кто лоб, кто глаз, кто пятку, кто — скулу.

И где подставите? Внутри времён!
За гранью дней! Да вы чего, ребята?
Да вы не принимайте на себя-то!

Но лезет в драку новый легион, —
Могученький, хоть и на ножках слабых,
И мелкий — в титанических масштабах...

1980-95

* * *

В конце концов, сам Ратленд невиновен,
Что кто-то отписал ему полмира,
Полкосмоса, улов плавучих брёвен,
Тюрбан паши и — авторство Шекспира.

Вольно историкам — сорить дарами
И храмы для своих любимцев строить
Из глыб феррарских, — каковыми сами
Не обладают, но всегда — присвоить

Их норовят! Вот и меня успели
С лорд-Пэмбруком поссорить, незнакомку!
Простите, сэр, смиренному потомку,
Принявшему участие в бурном деле,
Неправые запальчивые вирши...
Вы — яркий человек. Но не Шекспир же!

8 сентября 1998

***

В инкогнитах, почти всегдашних,
На полусогнутых крадьясь,
В плащах красивых, в масках страшных,
В интригах бурных отродясь, —

Подстраивают струны лир
Лихие лорды между делом,
Поют... И мнят назваться в целом
Незнатным именем: Шекспир.

Зачем?! Ведь НЫНЧЕ — все зоилы
Его считают... «дураком»!
«Бездарностью!» «Ломовиком»!
Не отстают и от могилы

Певца! Зане — им «честь» велит
Изгадить мрамор скорбных плит!

8 июля 1998

ИТАЛИЯ И ШЕКСПИР

«— Вот личность, о которой, — ты вскричал, —
Нам ничего, по сути, неизвестно!»
— Тогда почём ты знаешь, молви честно,
Что он... Италию не посещал?

Раз «неизвестно», значит **н е и з в е с т н о !**
Раз «ничего», так **н и ч е г о ?** Начал-
Концов не видя, — брось бросать причал
В трясину! Человеку, повсеместно

Н и г д е ш н е м у — верни свободу ног:
Бывать где хочет! Всем твоим ищейкам
Нос (в Риме) натянуть! В «пропащий» срок —
Доучиваться в Кёльне... Плавать с Дрейком...

Стран — тьмы! Но знай, что мир певцу открыт
И в той одной, где Вымысел царит.

12 июля 1998

VII
ОПЫТ ТРЁЗ

*Из красных блях, цветов и янтаря с соломой
Он пояс обещал своей любимой сплести.
Как яркоцветна вязь! А в ней — какой знакомый
Дух непрактичности и преданности есть!
Тот будет поступать всегда неосторожно,
И вечно цепи рвать, и вечно влечь ярем,
Кто верит, что сдержать в одной гирлянде можно
Солому с бляхами и розы — с янтарём.
От тренья янтарей соломка распадётся,
Цветы не выдержат соседства жёстких блях,
Тому же, кто сдружить их чаял, — век придётся
У инквизиторов игрушкой быть в руках
И где-то в кабаке, Бог весть о чём радея,
Погибнуть под ножом наёмного злодея.*

*«Кристофер Марло,
или Гадание на цветах»*

В рассветный час, додумав этот сонет (начатый ночью, когда, по завершении многосонетной своей «Шекспириады», я — с опасностью для завершения! — как в задачник заглянула вдруг в комментарии Аникста к восьмому тому Шекспира), я хотела, конечно, снова заснуть. И уже в дрёме, в почти полном сне — мне вдруг — предрассветная грёза! Вдруг — женский горестно-музыкальный вскрик, со всхлипом, вырвавшийся жалобно среди плача. Плача, который честно хотят подавить, но подавить не могут.

В широкой, квадратной и сумрачной комнате с низким бревенчатым потолком плакала — всё ещё грациозная, но, кажется, немного невзрачная — женщина. В сером платье, с бледным продолговатым лицом и в прилегающем к голове полупрозрачно-белом чепце, завязанном тесёмками под подбородком.

— Тихо! — резко крикнул мужчина: он быстро собирался куда-то. Но он крикнул не с тем, чтобы её обидеть, а потому что боялся: плач кем-то будет подслушан...

Однако же и она плакала не от обиды, но лишь от бессилия удержать его, так как предчувствовала, что оттуда, куда он спешит, он больше уж не вернётся. Но он (а этот стремительный человек в белой голландской рубашке со свободным воротом был Кристофер Марло!) не мог остаться дома никак; ему надо было срочно скакать верхом — выручать какого-то друга.

Ибо несколько часов назад его предупредил о грозящей — и ему, Кристоферу*, и какому-то Джону, и всем — опасности некий вельможный и дюжий почти старик.

— У них коалиция, — сказал он молодому человеку о каких-то людях, только что вероломно объединившихся с их врагами. Сказал (разумеется, очень секретно) этот Холёный тайный наставник с жирным и сиплым голосом, и слово «коалиция» прозвучало очень страшно. Но Холёный лгал. Враждующие стороны, одной из которых самозабвенно служил поэт Марло, пока и не думали объединяться, — свидетельствовало моё сновидение. Во всяком случае, всё здесь обстояло как-то сложнее. Но, конечно, если бы объединились, то одна сторона другой стороне скоро выдала бы всех своих наиболее верных людей и всех (пусть, может быть, не таких верных, но влиятельных) представителей. Старик предводитель опасался

---

* Известно, что Марло состоял в тайном антиклерикальном сообществе.

очень уж за себя! В страхе за себя (если верить показаниям сна) опережал события. Он боялся (а это-то уже не из сна, это — из комментария), что Марло выдаст его, коли дело дойдёт до пытки. Поэтому (и здесь опять выступает сон) Холёный решился сгустить краски, усилить в глазах Марло степень опасности. И о предательстве чьём-то, даже ещё не свершённом, сказать ему как бы об уже свершившемся.

— Проклятье! — вскричал поэт, отличавшийся, думается, как подозрительностью, так и великой в иных случаях доверчивостью. — Это ведь не одних нас заденет! Это заденет также и... — И тут он произнёс какое-то имя, больше всего похожее на имя «Джон».

— О Джоне, друг мой, я и подумал прежде всего, — ~~я~~ ^{сказал} Холёный, — но сам Джон, по причинам, которые тебе известны, не должен сейчас появляться на сцене... Однако же в трактире (таком-то; это место в речах Холёного осталось неясным, но Марло действительно был заколот в трактире) ждать будет тебя человек от Джона. Через этого человека и передашь Джону: он должен держать ухо востро и срочно покинуть Англию.

— Да, но как я его узнаю, этого человека — посланца от Джона?

И тут Холёный протянул Кристоферу тусклое кольцо с водянистым искусственным камнем. (Среди многих неясностей это был очень внезапный и очень ясный, многозначительно ясный кадр. И притом — крупным планом!)

— Верти кольцо перед каждым, кто к тебе в трактире приблизится или подсядет. Играй кольцом этим как будто ненарочно. На такое навряд кто позарится, а кому надо — тебя по нему узнает.

Разумеется, в трактире могли узнать Марло и без кольца. И отнюдь не только друзья! Не потому, возможно, что

такие начитанные, а потому что Рэли (ведь Холёный был — по моему сновидению — Рэли, а если неверен сон, то прости меня Боже!), потому что этот условный Рэли т щ а т е л ь н е й ш е описал внешность поэта наёмному душегубцу. (Для веков бы, а не для наёмников этак!)

— Если по виду не узнаешь его, то по кольцу узнаешь, — пояснил Холёный головорезу...

Был ли Кристофер Марло — человек, так сильно повлиявший на самого Шекспира и, очевидно, очень к нему расположенный, — был ли он убит сразу в злосчастной той харчевне, или же для начала с ним затеяли ссору, что, вероятно, не составило большого труда?

Дабы не увидеть ненароком ещё и сцену убийства поэта, я почла за лучшее поскорее проснуться! Несмотря на то, что была сильно заинтригована своим столь подробным сновидением, быть может (всё бывает!), содержащим мелкие открытия, конец-то я всё-таки уже знала и при всём желании не могла его изменить. Должна, однако, честно признаться, что всю неизвестную мне часть истории я не только видела во сне и узнавала из сна, но и жульнически додумывала её, так сказать, от себя. Той стороной сознания, которая, должно быть, и не думала спать. Что же именно из увиденного было во сне, и т о л ь к о в о с н е , — то есть ближе к верной догадке? А что — из подсказок яви?

Самым верным, близким к прозрению могло быть, разумеется, в с ё в н е з а п н о е . Внезапных картин я никак не могла спровоцировать, я сама была ими поражена, — они и доли мгновения не предоставили мне на сочинительство и подделку! В н е з а п е н для меня был женский плач, с которого всё и началось; плач этот вызвал женщину из небытия и обрисовал её, как свет молнии, но в последова-

тельности: сначала плач, потом — женщина. (Женщина начинается с плача?) В н е з а п н о явилась мне и небогатая комната с низким потолком из елизаветинских почернелых балок и стропил. В н е з а п е н был окрик: «Тихо!» И опять же — сначала окрик, а потом мужчина, возникший из своего голоса как по мановению волшебного жезла. (Мужчина начинается с окрика? Неужели?) В н е з а п н а была догадка, что это Марло, в н е з а п н ы были его быстрые сборы куда-то, белизна его рубашки и взмах руки вверх — там, где, собираясь, он поспешно доставал что-то с высоких полок в углу под потолком. (А я уже знала, что это — оружие!) Быть может, какие-то частности сна и уступали — в своей внезапности — главному: то есть появлению Марло там, где его только что не было. Но неожиданными — такими, которых тоже только что не было, — были и (вообще все) голоса. Например, голос Холёного. И все слова. И... неволью я начинаю призадумываться: что же тогда в этом сне не было внезапным? Наверное, только то, что забылось?

Не забылись: видение кольца, видение чепца, видение, как я уже говорила, большой квадратной мрачноватой расцветной комнаты.

Странный сон! Откуда он взялся? Или кто-то хотел показать мне, как всё было, в наглядности, в деталях, в картинах, имевших место, но которых никто не видел? Или это был только сложный отблеск моих реальных предположений? Ведь ещё, например, д о знакомства с добросовестнейшими, превосходными комментариями Аникста, которые могли навеять мне эту версию, я видела где-то портрет Уолтера Рэли и почему-то подумала, что он мог предать Марло! Или потому я увидела этот сон, что великое горе миссис Марло, никому впоследствии и не снившееся (так же, впрочем, как сама она!), должно же было наконец кому-нибудь

да присниться? А не потому ли, между прочим, с неё всё и началось, что, возможно, именно ей поэт посвятил стихи о цветочном поясе?

*Вплету в солому ряд цветов —
И пояс для тебя готов
С застёжками из янтаря
И в бляшках алых, как заря.*

«Песни для музыки»; перевод В.Левика)

Или так неожиданно явилась мне вовсе не та, которой были посвящены эти строки? Но казалось, что сама история — голосом сновидения — сообщила мне: «Это она!»*

Однако же какая подлая вещь произошла на моих глазах! «Верти кольцо — и тебя по нему узнает человек от Джона, — сказал Холёный поэту, — тебя узнает посланный от друзей...» «Увидишь того, кто вращает кольцо, — вот и кончай с ним!» — сказал тот же Холёный убийце-наёмнику. Да! Фокус необыкновенно подлый и при всей простоте беспредельно коварный. Неужели же таковой был проделан в самой реальности? Или он явился мне только в ложноисторической грёзе?

Я оформила для себя этот сон под профилем грёзы — даже и не знаю почему. Быть может, потому, что, несмотря на развёрнутый и разветвлённый сюжет, он не был длителен и вязок, как сны, но поражал резкой мелькающей сжатостью и неожиданностью, присущей именно грёзам.

Опыт грёз!

Что же до размышлений, предпринимаемых наяву (если, конечно, можно так выразиться!), то я уже давно пришла к выводу, что принц Гамлет отчасти вполне мог быть «списан» Шекспиром с фигуры Кристофера Марло, — я в этом даже уверена!

---

* У Марло несомненно была жена, которая потом его оплакивала. Это лишь подтвердил мой сон, если, конечно, сны хоть ЧТО-нибудь подтверждают.

С отчаянья — свой горний чин
Ещё в долинах мытарь тратит.
Пав духом, сам Шекспир подхватит
Крамольный, Марло, твой почин
И нрав твой, твой конец, твой принцип,
Быть может, вспомнит в «Датском принце».

25 февраля 1994

СОНЕТ
О ПРОСТОДУШИИ ТЕАТРА

— Какой высокий ум, — сказал Гораций
О Гамлете, — сколь мощный дух угас!
Я удивилась: в царстве декораций
«Высокий ум» не смотрится как раз.

Здесь и мудрец — лишь камушек простой,
А вовсе не космическое тело;
Тот минерал, что лишь ПО ХОДУ ДЕЛА
В конце концов становится звездой.

Откуда же такое на язык
Тебе взошло, Гораций, вероятно,
Что где-то РАНЬШЕ, ДАЛЬШЕ, ДО поднятья
Всех занавесов — Гамлет был велик?

Не странно ли? И вдруг я поняла:
О Кристофере Марло речь была!

1976-78

VIII

ПЕСНЯ ПЕВЦА ЗА СЦЕНОЙ

БАЛЛАДА О РОЗЕ

Ивану Киуру

Как появилась ты здесь, красавица роза?
С краю вот этот бутон, мне кажется, новый...
В клетчатом фартуке
и в чепце простоватом —
Кто по утрам поливал твой венчик пунцовый?

Как появилась ты здесь? Когда ж ты успела?
Дуб да орех над тобой шумят, как пучина...
Я не успела вздохнуть,
двух песен не спела, —
Как на кусте расцвела всех песен причина!

Девушка мыла стекло и штопала блузку.
Розовый куст под окном сиял и плескался.
А по другой стороне дороги,
по спуску,
Шагом неторопливым всадник спускался.

Этим двоим предстоит, наверно, свиданье?
Всё засверкало и вдруг... пропало, исчезло!
Как далеко иногда уводит мечтанье!
Коротко лишь волхованье вещего жезла.

Как далеко иногда заводит прогулка!
Не примечтался ли мне дневной палисадник?
Не показались ли мне в конце переулка
Девушка в белом чепце,
И роза,
И всадник?

23 августа 1991

ТАНГО «МОТЫЛЁК»*Александрю Грину*

Задев потолок, взлетел мотылёк бессонный.
И свеж и глубок в оконном квадрате мрак
(С ним душно не так!)
Пришли мы сюда из роц глубины бездонной;
Сидим за столом и думаем — просто так...

Грозой, Приключеньем пахнет дымок сигарный,
И спорит за место в воздухе с ним — сирень,
А наш мотылёк, под лампою лучезарной
Резвясь, то уронит, то подберёт
Рубиновую тень...

Наше дружество вечно,
Как земля под ночной синевой.
Наша жизнь бесконечна
Либо — кажется нам таковой?
Там, где в лицо
С лёгкой ленцой
Веет бриз береговой.

Как раскрытая книга,
Перед нами лежит океан.
Этой книги интрига
Не для тех, кто и впрямь интриган:
Не с тобой, проходимец и тать,
Эту грозную книгу
Мы будем листать!

Наше дружество дивно,
Случай к нам благосклонен слепой...
Наша жизнь непрерывна,
Как панамский прибой...

А с рассветною синью —
Мы направимся вверх по ручью...
Не поймать нас уныню
На дороге в Гель-Гью!

1960-е

ЗУРБАГАН

Из лазоревой дали
Бочки с дёгтем привезли:
Чёрный дёготь — рыбакам,
А лазорь — богам!

Я слоняться там люблю,
Если мимо из Гель-Гью
«Марианна» ходит с грузом
в Зурбаган.

Скорей, милый друг, скорей
Ступи на волну морей!
На терпенье обопрись,
На служенье шхуне «Бриз».
За раденье будет приз —
Тихий посвист рей,
Тихий посвист рей,
Тихий посвист рей...

С рассветом отлив лови,
Знакомых гребцов зови:
— Эй, на вёсла навались, —
На унынье не ловись!
Достославный город Лисс
Ждёт своих людей,
Ждёт своих людей,
Ждёт своих людей!

С рассветом — отлив лови!..

ЧЕЙ ТАМ НАПЕВ?..

Александрю Грину

Чей там напев звучит вдалеке
У золотистой Конго-реки?
От фонарей на жёлтом песке
Тени лежат, как в обмороке...

Кто навязал мне в диком бреду
Этой большой страны забытьё?
Я не приду-, о, я не приду-
Я не придумывала её!

Было и вправду много таких
Стран, непростых, как свет в хрустале!
Кто-то решил, что не было их —
Вот и не стало их на земле.

Всё превратилось в пышный курорт!
Ни одиссеев нет, ни итак...
Только простой гитарный аккорд
Всё ещё мнит, что это не так.

Только янтарный блик от гитар
Может на миг былое вернуть
И, — как букашек, влипших в янтарь, —
Самых доверчивых обмануть.

Чей там напев звенит вдалеке
На золотистой Конго-реке?
От фонарей на жарком песке
Тени лежат, как в обмороке...

Зреет вдали полоска зари.
Свежего ветра лодочник ждёт.
И замигали вдруг фонари;
Это, наверно, ветер идёт...

*6 октября 1984,
12 декабря 2000*

КРОЛИЧЬЯ ДЕРЕВНЯ

Кролик в Африке живёт,
 Усики подстрижены.
 В барабан багряный бьёт
 У порога хижины.
 Бан! Бан!
 Бинг-диль-бан! —
 Кроличий барабан.

Деревенскую толпой
 Набегают кролики,
 Под банановой листвою
 Накрывают столики.
 Бан! Бан!
 Бинг-диль-бан! —
 Кроличий барабан.

Умереть за этот звук
 С голоду согласные,
 Всё же — все едят вокруг
 Кушанья прекрасные.
 Бан! Бан!
 Бинг-диль-бан! —
 Кроличий барабан.

Над оранжевой землей
 Сумерки спускаются...
 Кто-то машет головнёй —
 Искры рассыпаются!
 Бан! Бан!
 Бинг-диль-бан! —
 Кроличий барабан.
 Разгораются впотьмах
 Звёздные сокровища...

А потом забудят язык
 Из земной пыли;
 Напаяется про запас
 Живёт маселце, Бан! Бан! —

В крытых зеленым домах
Спит деревня кроличья.
    Бан! Бан!
    Бинг-диль-бан! —
Кроличий барабан.

Ну-ка, спать, крольчата, спать!
Ночью бегать нечего!
Только сходит к ним опять
Голос дня прошедшего:
    Бан! Бан!
    Бинг-диль-бан! —
Кроличий барабан.

Только плачет при луне
Флейта одинокая.
...Зимней ночью
    Снится мне
Африка далёкая!
    ...Бан! Бан!
    Бинг-диль-бан! —
Кроличий барабан.

Выйду в рощу погулять,
Где высоких трав река.
Стану флейте подпевать, —
Африка!
Африка!

КОРАБЛИ-ИТРУШКИ

Песня Ассоль в детстве

С канатами, дрожащими, как струны,
В порту стояли кукольные шхуны,
Покачивали мачтами устало:
Их буря в океане укачала.

Подплыли к ним четыре бригантины —
Их снасти были тоньше паутины!
Четыре корабля, четыре трюма,
И в первом трюме — добрый фунт изюма!

А в тёмной глубине другого трюма
Сидела в клетке маленькая пума,
А в третьем — два игрушечных паяца:
Сидят впотьмах, а выглянуть — боятся!

Отважный кот сидел в четвёртом трюме —
Надменной кока, боцмана угрюмой;
Он видел все четыре части света,
И всё на нём матросское надето!

С канатами, дрожащими, как струны,
В порту стояли три-четыре шхуны,
Покачивали мачтами устало —
Их буря в океане укачала...

ОСЕНЬ ВЕСЁЛАЯ...

Осень весёлая, осень золотая,
Ты для охотника лучшая пора!
Он берёт ружьё
И, собак скликая,
В дальний лес идёт
С самого утра...

Не разберёшь:
То ли иней, то ль роса?
Ранний мороз
Щиплет сонные глаза,
А собаки рвутся в лес —
Языки наперевес...
Эй, Боб, Джек, Пират!
Ну, скорей, сюда! Назад!

Что ж ты суёшь мне и впрямь ружьё,
Негодник?
Разве ружьё на охоту нужно брать?
Я не говорил,
Что стрелять охотник,
Но охотник я
Хорошо приврать!

Ходит молва,
Что охотники — вруны.
Впрочем, слова их
По-своему верны.
А иной, фальшив на вид,
Небылиц наговорит,
А сам под враньём
Верность правде затаит!

«Эх, — говорила нам тётка Фелицата, —
Врать могли бы дома, чтобы воду
Не мутить...
Если можно врать,
Не сходя с крыльца-то, —
Для чего в тайгу
За враньём ходить?»

Всякую пре-
увеличенную дичь
Ты без ходьбы,
Без пальбы преувеличь!
Только в том-то и вопрос,
Что пальба идёт — ВСЕРЬЁЗ.
И правда сия
Хуже всякого вранья!

1950-е

ЛЮТИК ЗОЛОТОЙ

При дороге на припёке
Вырос лютик золотой —
Цветик весёлый
Да не простой:
Если цветик не срывать
Да если лютик не топтать,
Счастье былое
Придёт опять!

Это будет там, где у тропинок
Зацветает синенький барвинок;
Там живут Петрушка и Гурвинэк;
Бел, бел, полотнян,
Там
Балагурит балаган!

Там хозяйки на зелёный рынок
Не приходят без багряных кринок;
Ах! — под звуки тысячи волынок
Там, там мы опять
Будем
На празднике плясать!

При дороге на припёке
Вырос лютик золотой —
Что ж ты не скажешь
Весне «постой»?

Там цветы никто не топчет,
Не срывает на корню!
Что ж ты не спросишь:
«В каком краю?» ?

1960-е

* * *

Цвёл ли, не цвёл ли в долинах жасмин?
В лёгком тумане — сквозил? Не сквозил?
Бедный сказитель былых годин, —
Всё-то ты искажил!
Всё-то ты искажил.

Знаешь другое, а помнишь одно.
Тем же, кто сказкам поверил твоим,
Чёрное, сорное жизни дно
Кажется золотым,
Кажется золотым.

Царственным шагом проходят года...
В даях за нами — бывшее легло;
Пусть опускается темнота, —
Было бы там светло!
Было бы т а м — светло.

Ал ли, не ал ли был ранний закат?
Звал ли, не звал ли огонь вдалеке?
Долго ли, коротко ль Fortunat
Шёл с фонарём в руке?
Шёл с фонарём в руке.

Цвёл ли, не цвёл ли в долине жасмин?
В лёгком тумане — белел? Не белел?
Хитрый сказитель былых годин,
Что ты в виду имел?
Что-то в виду — имел!

Волны тепла поднимают луну,
Как над пустынею — аэростат.
Падает в дальнюю глубину.
Звёзд бесконечный взгляд.

1970

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖАСМИНУ	4
«Назвать ли вам троих...»	5
СУДЬЯ	6
СОЛНЕЧНЫЙ ПАРОМ	7
«Не будь зимы — откуда бы взялось...»	7
«Давным-давно к пещерам подсознания...»	7
ПОДЗЕМЕЛЬЯ	8
ОПОЗДАНИЕ К ЖАСМИНУ	9
РЕЧЬ В ЗАЩИТУ МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ	11
УКРАДЕННАЯ ДОРОГА	13
«Берёзы клонятся во все концы...»	13
ПЕЙЗАЖ ПЕШЕХОДА	14
«В один из дней Жорж Санд, пройдясь по зною...»	15
ВАТТО	16
НА РЕЧНОМ ПОЛУОСТРОВЕ	18
II. ПЕСЕНКА САВОЯРА	20
СЕРЕДИНА ЛЕТА	21
ПЕСЕНКА	22
«Творил Рембо, как гений с гордым лбом...»	24
ГРИН, ПРИСПОСОБЛЕННЫЙ ДРУГИМИ для экрана	25
ПЕСЕНКА ПРО КИТОВЫЙ УС	26
УХОДЯЩИЙ ВЕК	29
АГИТКА	31
ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ	33
ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ	33
УЧЁНЫЙ МУЖ	33
СТАКАН ФИЛОСОФА	33
ЧУВСТВО МЕРЫ	34
НЕ ПОДХОДИ!	35
СОВРЕМЕННАЯ ЛОГИКА	35
НА ПОЛНОМ СЕРЬЁЗЕ!	35
ИСКУССТВО ДРУЖБЫ	36

НЕ ГОРЮЙ!	36
ПРЕМИЯ	37
КОМУ СУДЬБА.....	37
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН УЧИТЕЛЫ!	38
ЖАЛОБА	39
КОНСЕРВНЫЙ КЛЮЧ	40
ВЫСТАВКА СТЕКЛА.....	41
ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ В МОСКВЕ	42
ТРЯПИЧНИКИ	43
«Во что ты выпилась, Москва моих сонетов?»	43
НЕДОСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	43
ФОРСАЙТЫ*, или ВЫСТАВКА ИСПОДНЕГО В ПРАВОСЛАВНОЙ СТОЛИЦЕ.....	44
ФАБРИКА	46
ФРАНСУА ВИЙОН	49
«Кастальский ключ проник во все проемы...»	51
САВОЯР	52
«Есть вопиющий быт, есть вещи примеры...»	54
ПЕСНЯ РЫЦАРЯ	55
III. ПРОСТОДУШИЕ	58
ЯЗЫК ДЕТСТВА	59
ПОРТНИХА И ФАБРИКАНТ	61
СОН ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ДИККЕНСА	63
БЕССОННИЦА	65
РАСКРЕПОЩЁННОСТЬ.....	67
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ	68
КАПРИЧЧИО	69
«Восток, прошедший чрез воображенье...»	72
ГИМН ДЕТЕКТИВУ	73
«Вокруг деревьев и домов...»	78
УЛЫБКА ДЕЛЬФИНА	80
ПРОСТОДУШИЕ	81
ЗАКАТ	83
IV. ИСПОВЕДЬ «МИМОЗЫ»	86
«ДАМА В ГОЛУБОМ»	87
ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ	90

ПУШКИН И ВОЛЬТЕР	92
СТАНСЫ	97
ПАМЯТИ ЯНИНЫ ДЕГУТИТЕ	99
КЛЮЧНИЦА ВОДНЫХ КЛЮЧЕЙ	101
ЕСТЕСТВЕННОСТЬ	102
ЧЕРЁМУХОВЫЙ ВЕЧЕР	103
«Там, где опавшей листвы позолота...»	105
ВОСПОМИНАНИЕ	107
ИСПОВЕДЬ «МИМОЗЫ»	108
ЛИЧНОСТЬ ПОД ТЕНТОМ	110
ПРИРОДА ПОЭЗИИ	111
ПОСВЯЩЕНИЕ	112
ДЯДЕНЬКА СТАВРОГИН	113
РОДИНА	114
V. СПАСИБО ЗА ОСЕНЬ!	118
ЖАСМИН	119
КУВШИНКА	120
ПОТОК	121
НА ЧУЛЫМЕ	122
ОВСЯНЫЕ ГУСЛИ	124
ОВЁС	124
ПОПУТЧИКИ ОВСА	124
«Тем красочнее музыка, чем строже...»	125
ПОЛЁТ ЛЕТНИХ ДНЕЙ	127
ЭККЕРМАНУ	128
АННЕТА	130
НЕМНОГОСТИШИЯ НА НЕПОЯВЛЕНИЕ	
РОМАНОВ ЖАН-ПОЛЯ	132
ЛИКИ ЛЬДА	134
ГНОМЫ	136
ШЕЛКОУСЫ	138
У МОСТА	141
ПОЧЕМУ?	143
СОЛНЕЧНЫЙ КИРПИЧ	145
СОЗВЕЗДИЕ «ВЕСОВ»	146

УЛАВЛИВАЮ...	147
«Как художник взбешён!...»	148
НОЧЬ	149
НОЧНЫЕ САМОЛЁТЫ	150
ФОРЕЛЬ	151
СПАСИБО ЗА ОСЕНЬ!	153
VI. ПРОСПЕРО	156
МЕСТЬ КАЛИБАНА	157
ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ!	157
КАЛИБАН В НАЧАЛЕ	
ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ	158
ЯХТСМЕН ЗАГНЁТ СЛОВЦО...	159
МЕСТЬ КАЛИБАНА	160
«Далёкий край внутри двойной лазури...»	161
СТРАТФОРДСКИЙ ДВОЙНИК	162
ГОВОРЯЩИЕ ДАТЫ	162
ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАСЕН	163
СТРАТФОРДСКИЙ ДВОЙНИК	164
ПУТАНИКИ	165
СТРАШНАЯ МЕСТЬ	166
ШЕКСПИРУ МОНУМЕНТ –	
«НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА»!	167
СОNET НА СТРАННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ	
И ДАЖЕ... ОСУЖДЕНИЕ (!)	
САМИХ ПОРТРЕТОВ ШЕКСПИРА	168
К НЕУДАЧНЫМ ПОРТРЕТАМ ШЕКСПИРА	169
ПОРТРЕТ	170
ЯБЛОНЯ ШЕКСПИРА	171
КАКИХ ЕЩЁ СВИДЕТЕЛЬСТВ?	171
НАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ	172
ПРИПОЗДНИВШИЕСЯ	173
ИТАЛИЯ И – ДАЛЕЕ...	174
СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ	
И НЕУВЯЗКА ЗА НЕУВЯЗКОЙ!	174
ИТАЛИЯ – И ДАЛЕЕ!..	175

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ	176
ШЕКСПИР, КАК ЧЕЛОВЕК С ВООБРАЖЕНИЕМ... ИЛИ ПАДУАНСКИЙ СПИСОК	177
ИСКАЛИ НЕУЧА И... НАШЛИ!	178
«Классическому гению за то, что...»	179
«В конце-концов, сам Ратленд невиновен...»	180
«В инкогнитах, почти всегдашних...»	181
ИТАЛИЯ И ШЕКСПИР	182
VII. ОПЫТ ГРЁЗ	184
СОНЕТ О ПРОСТОДУШИИ ТЕАТРА	192
VIII. ПЕСНЯ ПЕВЦА ЗА СЦЕНОЙ	194
БАЛЛАДА О РОЗЕ	195
ТАНГО «МОТЫЛЁК»	196
ЗУРБАГАН	198
ЧЕЙ ТАМ НАПЕВ?...	199
КРОЛИЧЬЯ ДЕРЕВНЯ	201
КОРАБЛИ-ИГРУШКИ	203
ОСЕНЬ ВЕСЁЛАЯ...	204
ЛЮТИК ЗОЛОТОЙ.....	206
«Цвёл ли, не цвёл ли в долинах жасмин?...»	208

МАТВЕЕВА
Новелла Николаевна

КНИГА ВТОРАЯ

ЖАСМИН

Рисунки автора

Рисунок на второй стр. обложки А.Подвилова

Главный редактор С.Зайцев
Ответственный секретарь А.Иванов
Заведующая редакцией Т.Зайцева
Корректор В.Северьянова

Учредитель издания - Книжный магазин «Москва»
103009, Москва, Тверская улица, 8

Регистрационный № 015417
в Госкомпечати РФ

Подписано в печать 02.10.2001

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВАГАНТ-МОСКВА»
ПРЕДЛАГАЕТ:**

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ВАГАНТ **МОСКВА**

ЖУРНАЛ «Вагант-Москва» откроет для Вас мир Владимира Высоцкого. Новейшие материалы о судьбе и творчестве, стихи, песни и проза Владимира Семёновича, его автографы, фотографии, документы, воспоминания о нём, исследования — всё, что составляло жизнь и суть великого сына России. Это ЖУРНАЛ для тех, кто любит театр и кино, кто любит стихи и авторскую песню, кто любит Высоцкого и Россию.

Формат 19,5 x 13,5

Объём 100 с.

Обложка

Выходит 1 раз в квартал

Подписка и розница

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРЕДЛАГАЕТ:
ВЫПУСКИ БИБЛИОТЕКИ
ЖУРНАЛА «ВАГАНТ-МОСКВА» :**

Серия «ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ И ВСЁ О НЁМ»

Вадим Альбертин
ЭКСЛИБРИСЫ, ПОСВЯЩЁННЫЕ
ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Игорь Бестужев-Лада
ОТКРЫВАЯ ВЫСОЦКОГО...

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ:
«ЗОЛОТЫЕ МОИ РОССЫПИ...»

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
КАТАЛОГ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
КАТАЛОГ ФОНОГРАММ

Книга первая
Сост. Александр Петраков

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
КАТАЛОГ ПЕСЕН И СТИХОВ
КАТАЛОГ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ СЪЁМОК

Книга вторая
Сост. Александр Петраков, Александр Ковановский,
Игорь Рахманов

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
ФОТОХРОНИКА-I
Книга третья
Сост. Александр Ковановский, Игорь Рахманов

Анатолий Кулагин
ПОЭЗИЯ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Владимир Новиков
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Любовь Осипова
МАРШРУТ № В.
По Москве В.Высоцкого и его литературных героев

Александр Петраков, Олег Терентьев
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО
Посвящения
Книги первая и вторая
Сост. Зинаида Лихачёва

Юрий Сушко
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: «АХ, СКОЛЬКО Ж Я НЕ ПЕЛ...»

О ВЫСОЦКОМ. Фрагменты писем
Сост. Юрий Тырин

Всеволод Чубуков
ВЫСОЦКИЙ: ВОВА, ВОЛОДЯ, ВЛАДИМИР

Серия «АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ»

Михаил Анчаров
НИ О ЧЁМ СУДЬБУ НЕ МОЛЮ...

Татьяна Визбор
ЗДРАВСТВУЙ, ЗДРАВСТВУЙ, Я ВЕРНУЛСЯ!..

Александр Городницкий
ЗА ВРЕМЕНЕМ ВДОГОНКУ. Книга первая
НА МАТЕРИК. Книга вторая
ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ. Книга третья
БУЛЬВАРНОЕ КОЛЬЦО. Книга четвёртая
ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ. Книга пятая

Александр Дулов
А МУЗЫКЕ НАС ПТИЦЫ НАУЧИЛИ...

Юлий Ким
СОБРАНЬЕ ПЁСТРЫХ ГЛАВ
Книги первая и вторая

Новелла Матвеева
ПАСТУШЕСКИЙ ДНЕВНИК. (Книга первая)
ЖАСМИН. (Книга вторая)

Александр Суханов
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОЛЁТ
ДЕНЬ ИЗ АПРЕЛЯ КРУЖИТ МЕНЯ...

Владимир Туриянский
МОИМ ДРУЗЬЯМ В ДАЛЁКОМ ДАЛЕКЕ...

Ада Якушева

ЕСЛИ Б ТЫ ЗНАЛ...

ТРИ ЖЕНЫ ТОМУ НАЗАД... История одной переписки

50 РОССИЙСКИХ БАРДОВ

Справочник

Сост. Роллан Шипов

Серия «АРТИСТЫ ПИШУТ...»

Наталья Варлей

КРУЖАСЬ НАД ЗОЛОТЫМИ КУПОЛАМИ...

Евгений Весник

ВРАТЬ НЕ БУДУ... Книга первая

КУДА НИ ГЛЯНЬ — СМЕШНО! Книга вторая

СМЕШНО — КУДА НИ ГЛЯНЬ! Книга третья

НЕ СМЕШНО... Книга четвёртая

Борис Галкин

МУЖСКОЙ ТАЛИСМАН

Олег Даль

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, СТИХИ.

ГОВОРЮ ТО, ЧТО ДУМАЮ... Книга первая

Георгий Жжёнов

САНОЧКИ

Михаил Задорнов, Владимир Качан, Леонид Филатов

ПРОВИНЦИАЛЫ

Игорь Кашинцев
ЖЁЛТЫЙ АГАТ

Евгений Стеблов
НЕ Я

Леонид Филатов
ОРАНЖЕВЫЙ КОТ
ПРО ФЕДОТА-СТРЕЛЬЦА, УДАЛОГО МОЛОДЦА
ИЗБРАННОЕ. Книги первая и вторая

Геннадий Юхтин
ВОКРУГ ДА ОКОЛО КИНО...

Серия «ДЛЯ СЦЕНЫ И ЭКРАНА...»

Евгений Агранович
Я В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ ПИЛ БЕРЁЗОВЫЙ СОК...
ИЗБРАННОЕ. Книги первая и вторая.

Юрий Ряшенцев
СЛАВА БОГУ, У ДРУЗЕЙ ЕСТЬ ШПАГИ...

***

Валентин Берестов
ЗАСТЕНЧИВЫЙ ТРУБАЧ

Иван
КИУРУ

Новелла
МАТВЕЕВА

БИБЛИОТЕКА

ВАГАНТ
МОСКВА